

Кафедра славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Центр междисциплинарных исследований славянской книжности
Института славяноведения
Российской академии наук

Институт славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Славия: история, культура, язык

**Студенческая научно-практическая конференция с
международным участием**

в рамках Дней славянской письменности и культуры

18 мая 2021 г.

ТЕЗИСЫ

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель научно-образовательного центра славистических исследований

Организационный комитет:

*Белоусова В.В.
Вучкович Е.С.
Гливинская В.Н.
Запека О.А.
Иванова И.Е.
Кульпина В.Г.
Осипова О.А.
Переволочанская С.Н.
Пионтек Б.
Платонова И.В.
Шапкина О.Н.*

Модераторы конференции:

*Гаврилков М.А.
Сергунина М.Н.*

Славия: история, культура, язык. Сб. тезисов студенческой научно-практической конференции с международным участием (18 мая 2021 г., Москва) / Отв. ред.: Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Сост., ред.: М.А. Гаврилков. М., 2021. 83 с.

Сборник содержит тезисы участников III студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», состоявшейся 18 мая 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ».....	5
И. Ксенофонов. «Polský faktor» v politice F.L. Riegra (1849–1871).....	5
А. Кичеркова. Латышская школьная реформа 2018 года и ее влияние на русскоязычное население.....	6
Д. Ключкина. Veřejný postoj SSSR k československé problematice od března do září roku 1938 (podle materiálů sovětského tisku).....	9
С. Сорокин. Československá vědecká inteligence v druhé polovině šedesátých a na počátku sedmdesátých let.....	11
Д. Крылова. Zákon o «velké» lustraci v ČSFR:.....	13
Е. Сычева. Воплощение деятельности Яна Гуса в православной традиции чехов и русских.....	15
К. Семисалова. Пансофия Я.А. Коменского как основа единого знания.....	17
А. Слюсарь. Vzdělání v České republice: stupně, zvláštnosti, výhody.....	18
А. Анисимов. Národní měna Československa a České republiky jako kulturní odkaz a odraz směru české kultury v novějších dějinách.....	20
В. Головня. Městská každodennost Prahy: potravinářské tradice (podle «Povědek malostranských» Jana Nerudy).....	21
А. Бубlíková. Etymologie názvů vybraných krojových součástí jihovýchodní Moravy.....	23
З. Корнева. Česká mentalita prizmatem animovaných filmů.....	25
А. Бочарова. Культурологический аспект раннего творчества А. Мухи.....	26
В. Регида. Specifika narativu v románu Ladislava Fukse <i>Spalovač mrtvol</i>	28
Л. Феноменова. Концепция агеластов М. Кундеры и политкорректность в комическом: сходства и различия.....	30
Ф. Миляев. Синтез фольклорных и христианских мотивов в балладе Я. Краля «Заколдованная панна в Ваге и странный Янко».....	32
Д. Уланова. Роль фольклорных мотивов в формировании образов славянского мира и мира зарубежья в повести Н.Н. Садур «Немец».....	34
М. Василенко. Wyznaniowe i społeczne aspekty powstania pod kierownictwem Bohdana Chmielnickiego (1648–1654).....	36
И. Фадеев. Polski nacjonalizm w drugiej połowie 18 wieku.....	38
И. Бабоша. Kierunek panslawistyczny polskiej emigracji z lat 1830–1840-tych w opcji Trzeciego Oddziału.....	40
И. Ерофеев. Problem polonizacji na początku XIX wieku w rosyjskiej historiografii przełomu XIX–XX wieku.....	42
А. Пшеничный. Tożsamość słowiańska metropolity Andrzeja Szeptyckiego.....	43
К. Колихова. Rokowania polsko-radzieckie w sprawie preliminarzów zawieszenia broni i wstępnych warunków pokoju w Rydze: Wrzesień–Październik 1920. .	45

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ».....	48
А. Рогачева. Неколку редова Которског понтификала у контексту црквене историје Котора у 12. веку.....	48
Д. Антипина. Взаимоотношения России и Черногории в первой трети XIX в.....	49
Д. Мишчаненко. Сербский банат и восстание Дьёрдя Дожи.....	51
Д. Королева. Васапатање и образовање наследника српског престола крајем 19. и почетком 20. века.....	53
Т. Треј. «Кровавая пятница» сербской истории (Майский переворот 1903 г. в Сербии).....	55
Г. Кудрявцев. Разлози совјетско-југословенског сукоба 1948. године: два погледа.....	57
И. Костенко. Антибирокупатска револуција у Југославији 1988–1989.....	59
М. Мотин. Општа анализа Вашингтонског споразума о Косову.....	60
С. Жујкова. Предраг Матвејевић као носилац идеје југословенства.....	62
Ю. Семенова. Језичка изражајна средства за стварање књижевног лика у поезији Ђорђа Балашевића.....	64
А. Дегтярева. Сопоставителни анализ концепта «ночь» в поэтических картинах мира Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева.....	66
П. Смоляренко. Ruska kroatistika u XX – početkom XXI stoljeća: problemi formiranja i znanstvena postignuća.....	68
Л. Ермишин. Към въпроса за въоръжаването на «Оранжевата гвардия» в подкрепа на вътрешната политика на Българския земеделски народен съюз през 1920–1923 г.....	70
Н. Евстафьев. Проблемът за етническият произход на династията на Асеневци в историографията.....	72
Т. Бондаренко. Дейността на дервиш Отман Баба в българските земи.....	73
Д. Гребенюк. Гръцки и български просветители от XVIII – началото на XIX век за перспективите на възстановяване националната държавност на балканските народи.....	75
А. Лебедев. К вопросу о социокультурном контексте на материалы современного болгарского романа Т. Димовой «Матери» в переводе на русский язык.....	77
М. Гусева. Отношението към смъртта в руската и българската култура през призмата на народните приказки.....	79
Д.А. Хасан. Образът на Русия в български медии по време на пандемията от коронавирус (въз основа на вестник «24 часа»).....	80

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Игорь Ксенофонтов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, аспирант
Москва, Россия

«Polský faktor» v politice F.L. Riegra (1849–1871)

Řada slovanských politiků se dívala na polskou otázku prizmatem slovanské vzájemnosti. Snažili se k emancipaci svých národů a zkoušeli používat «polskou kartu». F.L. Rieger (1818–1903) patřil mezi takové činitele.

V jeho politice bylo několik etap spolupráce s Poláky. Od r. 1848 Rieger vnímal stmelení rakouských Slovanů jako nezbytnou podmínku pro vyhovění jejím nárokům. V r. 1849 se Rieger dokonce setkal v Paříži s A. Čartoryským. Vyslovili myšlenku smíření rakouských Slovanů a Maďarů. Ale nebyla uskutečněna [Rieger 1906: 512].

Druhá etapa – začátek 60. let 19. století. Rieger se snažil vytvořit slovanský blok v říšské radě pro zavádění návrhu federalizace říše. Spolupracoval s předákem «lvovských demokratů» F. Smolkou [Ждановская 2018: 265]. Tato etapa skončila napětím ve vztazích s haličskými poslanci kvůli začátku české politiky trpného odporu a odsouzení povstání v Kongresovém Polsku Riegre a F. Palackým [Žáček 1968: 239; Pražák Riegrovi 1863: 155].

Třetí etapa – r. 1866–1867. Rieger se pokoušel sjednotit české a polské federalisty proti dualizaci Rakouské říše. Ale to skončilo nezdarem: haličská šlechta v čele s A. Goluchovským dospěla k souhlasu s Vídní [Rieger 1906: 303–305].

Čtvrtá etapa – r. 1867. Rieger se rozhodl získat Francii a Rusko v roli spojenců. Poláci v těchto plánech hráli velkou ulohu poněvadž pařížští polští emigranti museli pomoci dostat audienci u Napoleona III [Pfaff 2013: 30]. A konec rusko-polského konfliktu by pomohl stmelení rakouských Slovanů a jejich svazku s Ruskem. Tedy by bylo možné zatlačit Vídeň [Киселькова 2008: 119]. Ale cesty do Paříže (r. 1867, 1869) a do Moskvy (r. 1869) neměly pozitivní výsledky. Poláci ho pokládali za rusofila a Rusové – za polonifila.

Poslední etapa – přelom 60. a 70. let. Národní strana bojovala o realizaci Fundamentálních článků. Na tomto pozadí Rieger aktivně kontaktoval s F. Smolkou a velvyslancem E.P. Novikovym. Prováděl ideje všeslovanského kongresu a rusko-polského smíření [Smolka Riegrovi 1870: 208]. Avšak ruské ministerstvo zahraničních věcí mělo negativní postoj k těmto návrhům [Projet]. Jako následek Vídeň zamítla Fundamentální články.

LITERATURA

Ждановская 2018 – Ждановская А.А. Парламентское представительство Чешских земель // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов 1848–1914 гг. М., 2018.

Киселькова 2008 – Киселькова Н.В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008.

Pfaff 2013 – *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867–1878. Praha, 2013.

Pražák Riegrovi 1863 – [1863, 25. června] – Pražák Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha, 1924.

Projet – *Projet de lettre particulière à Novikoff (très secrète)* от 1.03.1871 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 122. Л. 369 (об.), 371 (об.)-373.

Rieger 1906 – *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra // Osvěta. Listy pro rozhled v umění, vědě a politice. 1906. № 1–2, 4–5.

Smolka Riegrovi 1870 – 1870 srpen 11. Lvov. – Smolka Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha, 1924.

Žáček 1968 – *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Slovanství v národním životě Čechu a Slováků. Praha, 1968.

Александра Кичеркова

выпускница Педагогического ф-та Университета Градец-Кралове,
Градец-Кралове, Чехия

Латышская школьная реформа 2018 года и ее влияние на русскоязычное население

В 1998 году в Латвии был принят закон об образовании, который разрабатывали специалисты Министерства образования и науки Латвийской Республики, учителя и директора школ национальных меньшинств и международные эксперты. Этим законом государство обеспечило право на образование на родном языке всем гражданам и жителям страны [1]. Двадцать лет спустя 22 марта 2018 года Сейм принял, а 2 апреля президент подписал поправки к этому закону, которые имеют большое влияние на национальные меньшинства.

В соответствии с этими поправками Министерство образования и науки предполагает отмену преподавания на иностранных языках и постепенный переход всех учебных заведений на латвийский язык в течение 2018–2022 гг.

Власти ожидают переход государственных школ на латышский язык в следующих стадиях:

1. С 2017/2018 учебного года студенты должны сдавать централизованные экзамены в 12-м классе только на латышском языке.
2. С 2019/2020 учебного года будет не менее 80 % учебной программы 7–9 классов преподаваться на государственном языке, а также государственные экзамены в 9-м классе будут проходить только на латышском языке.
3. С 2020/2021 учебного года студенты 10–11-х классов будут изучать общеобразовательные предметы на латышском языке, причем ученики нацменьшинств будут изучать на родном языке только язык национального меньшинства, литературу и предметы, связанные с культурой и историей национального меньшинства.
4. С 2021/2022 учебного года то же самое ждет и студентов 12-х классов.

Цель этой реформы – предложить всем учащимся одинаковые условия для получения качественного образования и возможность в совершенстве выучить государственный язык и, таким образом, избежать дискриминации выпускников из школ национальных меньшинств и дать всем одинаковые шансы на рынке труда [2].

Также 21 июня 2018 г. сейм принял поправки, по которым запрещено преподавать на русском языке в частных вузах. Разрешено только преподавать на языках Европейского Союза: *«В государственных вузах Латвии обучение на языках ЕС возможно лишь в отдельных случаях — для иностранных студентов и по программам, предусмотренным договорами о международном сотрудничестве»* [3].

Все эти изменения касаются прежде всего русского меньшинства, которое самое большое в стране. По данным Центрального статистического управления Латвии в начале 2018 года в стране проживал 1 934 000 жителей, население страны состояло из 62,2 % латышей и 25,2 % русских [4]. Также, в конце 2017 г. 60,8 % населения считали своим родным языком латышский и 36 % жителей – русский [5] (т.е. приблизительно 696 000 человек). По данным Министерства образования и науки Латвии в 2017/2018 учебном году в основных школах национальных меньшинств училось 49 685 детей и в средних школах 9 440 детей [6].

Против школьной реформы 2018 г. выступили родители русских учеников, директора школ, лидеры русских общественных организаций и некоторые политики. Перевод школ нацменьшинств критиковали, например, мэр Риги, Нил Ушаков, который считает это *«политической провокацией, которая вредит и качеству образования, и стабильности в стране»*, Владимир Линдемир, представитель общественной организации «Родной язык», который говорит о стремлении *«полностью отменить преподавание*

на русском языке в школах», Мирослав Митрофанов, представитель «Штаба защиты русских школ», который призывает к борьбе за русские школы [7]. С реформой абсолютно не согласны родители, которые подали иск в Европейский суд по правам человека, а также в Комитет ООН по правам человека. Противники реформы говорят о антироссийской политике или дискриминации русских учеников. Они утверждают, что реформа ведет «к кардинальному ухудшению качества образования, получаемого русскими школьниками, убивает их мотивацию к учебе, создает для детей и их родителей дополнительную нагрузку, мешает сохранять национальную идентичность» [8]. Также некоторые депутаты от партии «Согласие» подали иск в Конституционный суд [9]. Суд 23 апреля 2019 узаконил переход школ нацменьшинств на латышский язык [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Введение системы образования для национальных меньшинств.* Министерство иностранных дел Латвийской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/vvedenie-sistemy-obrazovaniya-dlya-nacionalnyh-menshinstv-istoricheskij-obzor> (дата обращения 13.05.2021).
2. *Новейшие реформы.* Министерство иностранных дел Латвийской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/novejshie-reformy> (дата обращения 13.05.2021).
3. *Вейонис провозгласил поправки о запрете на русский язык в частных вузах.* The Baltic Course [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltic-course.com/rus/education/?doc=141247&underline=%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82&output=d&ins_print (дата обращения 12.05.2021).
4. *In 2017, usually resident population of Latvia declined by 15.7 thousand.* Central Statistical Bureau of Latvia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/number-and-change/search-in-theme/2402-number-population-latvia-2017> (дата обращения 12.05.2021).
5. *Latvian is mother tongue of 60,8 % of the population of Latvia.* Central Statistical Bureau of Latvia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/search-in-theme/2747-latvian-mother-tongue-608-population-latvia> (дата обращения 12.05.2021).
6. *Перевод школ и детсадов на латышский язык: как это будет (по плану МОН).* DELFI [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.delfi.lv/>

[news/daily/story/perevod-shkol-i-detsadov-na-latyshskij-yazyk-kak-eto-budet-po-planu-mon.d?id=49444875&page=5](https://news.daily.story/perevod-shkol-i-detsadov-na-latyshskij-yazyk-kak-eto-budet-po-planu-mon.d?id=49444875&page=5) (дата обращения 13.05.2021).

7. «Принудительная ассимиляция»: правительство Латвии поддержало перевод русских школ на латышский язык. РТ [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/473506-pravitelstvo-latvii-shkoli-russkiy-yazik> (дата обращения 13.05.2021).
8. Роман Бабурин. Русские родители в Латвии ищут правды в Европейском суде по правам человека. РИТМ ЕВРАЗИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-09-22--russkie-roditeli-v-latvii-ischt-pravdy-v-evropejskom-sude-po-pravam-cheloveka-51004> (дата обращения 13.05.2021).
9. «Согласие» подало в Суд Сатверсме иск по поводу перевода школ меньшинств на латышский. LSM.LV [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/soglasie-podalo-v-sud-satversme-isk-po-povodu-perevoda-shkol-menshinstv-na-latishskiy.a282782/> (дата обращения 14.05.2021).
10. Конституционный суд Латвии признал законным переход перевод государственных школ на латышский язык. Настоящее время. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/latvia-russian-schools-teachers/29898610.html> (дата обращения 14.05.2021).

Дарья Клюкина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Veřejný postoj SSSR k československé problematice od března do září roku 1938 (podle materiálů sovětského tisku)

Na základě materiálů sovětských novin "Pravda" a "Izvestija" jsme analyzovali veřejnou pozici Sovětského svazu před Mnichovskou krizí. Výběr sovětského tisku jako zdroje byl způsoben tím, že obsahuje informace, které ukazují oficiální stanovisko sovětské vlády k československé problematice a zachycuje události toho období s vysokou rychlostí.

Během konfliktu ideologický faktor se stal důležitějším a sovětský tisk rozděluje všechny aktéry na přátele a protivníky. Například, sovětské noviny aktivně kritizovaly Československo, protože podle nich většina rozhodnutí československé vlády byla chybná kvůli nadvládě v zemi "reakčních" síl, ke kterým patřila hlavně Agrární strana [Правда 1938, № 119: 2].

Sověští novináři upozorňují na útlak komunistického hnutí (zákaz demonstrace prvního května [Известия 1938, № 90: 2], uzavření komunistického

deníku "Rudé právo" [Правда 1938, № 169: 5]), což považují za chybnou politickou linii, která nakonec vedla k okupaci Sudet. Nespokojenost sovětského tisku vyvolává i zahraničněpolitická orientace Československa na západní demokracii [Известия 1938, № 104: 4] a kurz na sbližování s fašistickými státy, co se projevilo v navazování kontaktů s režimem Franco a v přiznání ovládnutí Etiopie Itálií [Правда 1938, № 202: 5].

Západní země jsou kritizovány za svůj nespravedlivý politický systém založený na koloniálním vlastnictví a na vládě mezinárodního kapitálu, pro jehož zachování se snažili sbližovat s nacistickým Německem [Известия 1938, № 173: 2]. Sovětský tisk se domnívá, že Velká Británie a Francie brání rozvoji demokratických hnutí za mír, které jsou prezentovány britskými labouristy a francouzskými komunisty. Pokud byla Británie stále kritizována na stránkách sovětského tisku, obraz Francie prošel silným vývojem. Zpočátku Francie byla považována za přátelský stát v boji proti agresii, ale po souhlasu ústupky Německu a výběru britského kurzu na vyřešení československého problému, sovětský tisk prohlásil ji zrádcem zachování míru [Известия 1938, № 221: 1]. Kapitalistický systém je prezentován jako hlavní důvod pro nemožnost spolupráce se Západem, ačkoli zpočátku Sovětský svaz zvažoval možnost sjednocení úsilí při řešení krize.

Německo je po celou dobu konfliktu prezentováno v sovětském tisku negativním způsobem. To je dosaženo prostřednictvím popisu jeho agresivní a provokativní zahraniční politiky, kritikou vměšování Německa do vnitřní politiky Československa přes Henleinovu sudetoněmeckou stranu [Правда 1938, № 232: 5], odsouzením používání vojenského tlaku [Известия 1938, № 192: 1], snahou zničit mezinárodní smlouvy [Известия 1938, № 154: 2] a také vytvořením špatného obrazu každodenního života v Německu [Известия 1938, № 144: 4]. Kritika nacistického Německa a Hitlerova kurzu na okupaci Sudet byla na stránkách sovětského tisku v průběhu celé krize a proto se dá říct, že se SSSR nezaměřil na sbližování s Německem před Mnichovskou krizí.

Tak, sovětský tisk uvádí, že i Západní Evropa, i nacistické Německo jsou státy, které nechtěly řešit československý problém v mírovém duchu, ale pouze sledovaly své zájmy, zatímco Sovětský svaz opravdu nabízel Československu jedinou věrnou možnost záchrany. Veřejná pozice SSSR vůči československému problému v sovětském tisku nebyla původně nastavená, byla ovlivněna vnějšími faktory a ideologií, ale vždycky zachovávala jasné zaměření proti Hitlerovi.

LITERATURA

Известия 1938 – Известия. Москва, 1938 г. № 59 – № 229.

Правда 1938 – Правда. Москва, 1938. № 70 – № 270.

Сергей Сорокин

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Československá vědecká inteligence v druhé polovině šedesátých a na počátku sedmdesátých let

Poválečná historie Československa přímo souvisí s komunismem, v této souvislosti je velmi zajímavé zkoumání různých vrstev společnosti v kontextu analýzy jejich vztahu ke Komunistické straně Československa.

V této práci jsou zkoumány proměny vztahu vědeckých intelektuálů Československa a KSČ (Komunistická strana Československa) v období od konce 1960 do začátku roku 1970. Mezi vědci, jak uvádím ve studii, jsou zástupci různých věd: historie, fyziky, filozofie. Na základě vzpomínek zástupců vědecké společnosti byly podrobně prostudovány změny v názorech největších intelektuálů Československa během událostí Pražského jara a následné éry "normalizace", která začala s okupací ČSSR vojsky států Varšavské smlouvy. Kromě toho byla analyzována role, kterou vědecká inteligence hrála při formování vznikajícího disidentského hnutí (disent). Tato studie je prvním ruskojazyčným pokusem holisticky prozkoumat vliv vědecké inteligence Československa na nejdůležitější procesy českých dějin v druhé polovině XX. století, a vzít v úvahu z nové a netradiční perspektivy události roku 1968.

Pro pochopení důvodů aktivní účasti vědecké inteligence Československa během události Pražského jara, byli prozkoumány životopisy významných intelektuálů, což umožnilo sledovat proces formování jejich politických názorů a vztahy s KSČ až do roku 1968. Na základě těchto biografií byly stanoveny důležité etapy, které ovlivnily světonázory většiny intelektuálů disentu. Ve třicátých letech intelektuálové začínají přijímat socialistické učení a se zájmem považují Sovětský svaz za nositele komunistické ideologie. Po Mnichovské dohodě (1938) bylo mnoho intelektuálů frustrováno politikou západních spojenců na pozadí aktivních snah SSSR pomoci Československu v boji proti německé okupaci. Další fází je činnost hnutí odporu organizovaného KSČ s aktivní podporou SSSR, což pro mnohé zmíněné intelektuály bylo další výhodou socialistického systému. Po válce vychází většina československého vědeckého společenství jako součást komunistické strany, jejíž autorita výrazně roste i v prostředí obyčejných občanů. Do roku 1948 je KSČ nejsilnější politická struktura, a proto během únorové krize se jí podaří dosáhnout jednostrannosti, čemuž následovala realizace stalinského modelu socialismu v Československu, začátek politických represí a zrušení demokratických institucí. V té době se na těchto událostech významně podílela intelektuální komunita. Pochopení pro chyby přišlo intelektuálům po XX. sjezdu Ústředního výboru KSČ, od něhož začala éra "rozmrazování", která pro ně

znamenal začátek hnutí k transformaci v roce 1968. Na této cestě se začaly utvářet zásady "socialismu s lidskou tváří", co znamenalo destalinizaci a návrat k demokratickým ideálům socialismu, ztraceným v roce 1948.

Úspěšné reformy Alexandra Dubčeka a jeho spolupracovníků vyvolaly nespokojenost stranické nomenklatury SSSR a dalších spojenců ČSSR v socialistickém bloku. Tato nespokojenost nakonec vyústila v okupaci Československa a nastolení "normalizačního" režimu, který hrál obrovskou roli ve vývoji politického světového názoru vědecké inteligence.

Postupné zničení všech úspěchů Pražského jara, zpřísnění cenzury, vyloučení ze strany a propouštění z práce v souvislosti s podporou politiky Dubčeka přinutilo mnoho intelektuálů k přehodnocení socialismu a ovlivnilo vývoj jejich politických názorů.

Toto přehodnocení přesvědčilo intelektuály, že je třeba bojovat proti novému režimu. Tak začíná rozvoj ilegálních organizací a "samizdatu", k jehož rozvoji nejvíce přispěli zástupci intelektuální komunity. Vysoká úroveň politické aktivity a konsolidace zástupců vědecké obce pro boj s režimem "normalizace" postupně vedly většinu intelektuálů do disidentského hnutí, které se v průběhu dalších let (1970–1989) aktivně vyvíjelo na pozadí rozkladu komunistické strany.

Opozice, která čekala jen na vhodný okamžik k zahájení aktivní protestní činnosti dostala takovou příležitost v roce 1985 s příchodem k moci v SSSR Michaila Sergejeviče Gorbačova. Perestrojka v SSSR se stala jakousi výzvou k akci pro disidenty, kteří byli schopni přivést na svou stranu většinu obyvatel Československa a v roce 1989 stáli v čele Sametové revoluce.

LITERATURA

1. 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
 2. Pažout J. Komunističtí intelektuálové a proměna jejich vztahu ke KSČ (1945–1989). Praha., 2013.
 3. Šimečka M. Kruhová obrana. Bratislava, 1992.
 4. Гаек М. Воспоминания о чешских левых. М., СПб., 2019.
 5. Яноух Ф. Нет, я не сожалею... Малая мозаика периода «нормализации». М., 2010.
-

Дарья Крылова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Закон о «velké» lustraci v ČSFR: parlamentní diskuse o přehodnocení minulosti

Konec 20. století v zemích bývalého socialistického bloku označil změnu politických režimů a zrušení mocenského monopolu, který dříve zcela patřil zástupcům komunistických stran. V Československu se to stalo během Sametové revoluce v roce 1989, která obnovila demokracii a s ní spojená práva a svobody. K takové „nekrvavé“ metodě likvidace režimu však nemohlo dojít najednou; systém, jehož vybudování trvalo čtyřicet let, vyžadoval zdlouhavou restrukturalizaci. Jedním z klíčových prvků této restrukturalizace (která se v literatuře nazývá «přechodná spravedlnost» [David 2012: 761–764]) byla lustrační legislativa platná v Československu od roku 1991 do současnosti.

Čeští politici pochopili, že nemůžou nastoupit na novou cestu bez přehodnocení událostí, ke kterým došlo za čtyřicet let komunismu. Stejnou myšlenku rozvinul ve svých projevech i bývalý prezident země Václav Havel, který poznamenal, že společnost se bojí reflektovat minulost, a proto se nemůže snadno vydat na cestu demokratického vývoje [Mladý svět 1991: 16]. Kromě toho existovala také obava, že bývalí vůdci komunistického režimu, kteří si po revoluci udrželi svá místa, mohou negativně ovlivnit budoucnost státu, a dokonce obnovit totalitní režim.

Výsledkem je, že v roce 1991 vláda ČSFR vypracovala zákon upravující lustrační proces. Byl předložen k diskusi v Parlamentu v říjnu, diskuse trvala tři dny (od 2. do 4. října) a po dlouhých sporech byl přesto přijat. Konečná formulace názvu, stejně jako samotný text zákona, neobsahovala pojem «lustrace», protože má negativní konotaci, ale stále odráží samotný obsah lustračního procesu: vytvoření předpokladů pro výkon některých funkcí ve státních orgánech a organizacích.

Hlavním rysem tohoto zákona byla jeho zjevná nejednoznačnost: poslanci Federálního shromáždění se v průběhu parlamentních diskusí (jehož obsah můžeme analyzovat na základě stenoprotokolů) rozdělili do tří skupin. První skupina úplně podpořila omezení přístupu vůdců komunistického režimu na klíčové pozice v novém státě. Tito poslanci apelovali zejména na teze o nutnosti chránit nový demokratický stát a vyjádřit zásadní nedůvěru lidem, kteří v minulosti zastávali «podezřelé» funkce [Kosař 2009: 232]. Zástupci druhé skupiny hodnotili návrh zákona předložený k diskusi negativně a považovali takové opatření v

demokratickém právním státě za zbytečné. Tvrdili, že tento zákon vytvoří nový obraz kolektivního nepřítele a promění se v nástroj čistek a «honů na čarodějnice» [Stenoprotokoly]. Kromě toho také poznamenali, že aby se zabránilo návratu k totalitě, je nutné spíše než eliminovat politické konkurenty řešit konkrétní problémy (například ekonomické). Třetí část poslanců považovala v první fázi formování demokracie za nezbytná určitá omezení, ale samotný návrh zákona viděla jako špatně propracovaný a odporující mezinárodnímu právu. Poukázali také na některé další nedostatky první verze zákona: rozšíření lustračního zákona na lidi, kteří významně přispěli k „Pražskému jaru“ v roce 1968, vedení principu «kolektivní viny» a nedostatek individuálního přístupu (o tomto problému často hovořil Václav Havel) [Suk 2011: 167].

Všichni tito poslanci měli různé představy o tom, jak obrátit stránku komunistické minulosti a žít dál: někteří snili o odplatě, jiní zvolili cestu odpuštění. To hovoří o velké heterogenitě české společnosti, kterou odhalila tak citlivá otázka. Po pádu komunistického režimu bylo pro mnoho lidí těžké pochopit, jak se vztahují k jejich vlastní minulosti. Samotné zákony však při řešení tohoto problému nepomohly: zůstávají v platnosti dodnes a jsou důkazem heterogenity české společnosti a nezralosti české demokracie.

LITERATURA

David 2012 – *David R. Twenty Years of Transitional Justice in the Czech Lands // Europe-Asia Studies. Volume 64. Issue 4. 2012. P. 761–784.*

Mladý svět 1991 – *Emingerová L., Havel D. Nejistota posiluje // Mladý svět. 7.5.1991. S. 16–18.*

Kosař 2009 – *Kosař D. Lustrace a běh času // Komunistické právo v Československu. Kapitoly z dějin bezpráví. Brno: Masarykova univerzita, Mezinárodní politologický ústav, 2009. S. 228–258.*

Stenoprotokoly – Stenoprotokoly. [Elektronický zdroj]. Dostupné z: <https://www.psp.cz/eknih/1990fs/slsn/stenprot/017schuz/s017066.htm>

Suk 2011 – *Suk J. Prezident Václav Havel a břemeno (komunistické) minulosti. Lustrace jako politický a morální problém, 1989–1992 // Rozdělení minulostí. Vytváření politických identit v České republice po roce 1989 / Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2012. S. 135–181.*

Екатерина Сычева

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Воплощение деятельности Яна Гуса в православной традиции чехов и русских

На сегодняшний день Ян Гус не просто одна из важных исторических фигур, а национальный герой для Чехии и предвестник европейской Реформации для Европы.

Многие русские ученые, прежде всего слависты XIX в. и их последователи, занимались изучением гуситской эпохи и восприятия Яна Гуса в русской историографии: А.Ф. Гильфердинг, Н.И. Серебрянский, А.В. Флоровский, Л.П. Лаптева и т.д. Б.Т. Рубцов, В.И. Пичета, Е.В. Замараева, В.А. Бильбасов, М.В. Хорев, Л.П. Лаптева, Л.М. Гаркуша, И.И. Бучанов и др.

Русских источников, близких периоду жизни Яна Гуса или гуситскому движению, существует крайне мало. В Ипатьевской летописи Гуса называли еретиком, однако эти сведения заимствованы из польских источников, враждебных гуситскому движению [Лаптева 2015: 8–18]. Долгое время источников о нем не существовало даже в самой Чехии, так как упоминание данной личности было попросту запрещено в силу наступившей после Белогорской битвы 1620 г. эпохи католической реформации, когда все, связанное с гуситской идеологией, отрицалось.

В XIX в., когда в России наблюдается рост интереса к знаниям о славянах в связи с эпохой Национального возрождения, появляется новое суждение, включающее в себя отказ от порицания Гуса и требование освободить его от репутации еретика.

Надо сказать, что о Гусе писали как славянофилы, так и приверженцы панславизма и даже не разделяющие какую-либо идеологически окрашенную позицию. Российский славяновед А.Ф. Гильфердинг выбирает нейтральную позицию, считая, что учение Гуса во многом схоже с православием, однако нельзя утверждать, что он действительно находился под влиянием восточной церкви [Гильфердинг 1871: 13–15].

Н.И. Серебрянский, крупный исследователь и знаток сочинений Гуса, не придерживается славянофильской точки зрения и, как и Гильфердинг, считает, что познание Гуса и его последователей о русской церкви были крайне смутными [Серебрянский 1915: 10–11].

Многие положения идеологии Яна Гуса сходятся с традициями Восточной Церкви. Но ввиду сомнительных результатов путешествия

Иеронима Пражского, а также ввиду положения православной церкви в тот период времени, Ян Гус с малой вероятностью мог хорошо разбираться в реалиях восточной церкви.

Будучи народным героем, революционером и борцом за национальную идентичность, Ян Гус оказал большое влияние на Чехию. Движение гуситов добилось больших результатов после принятия Базельских компактатов, в которых были выполнены требования последователей Яна Гуса. Несмотря на определенные успехи, многое изменилось в 1526 г., когда Чехия стала частью Австрии под властью династии Габсбургов [Пичета 1947: 98]. С этого момента и вплоть до XX в. католичество занимало главенствующее положение в религиозной идеологии страны.

Ян Гус безусловно имеет огромное значение для Автокефальной православной церкви Чешских земель и Словакии. В XXI в. Православная церковь Чешских земель и Словакии причислила Яна Гуса и его ученика Иеронима Пражского к лику святых, им написана служба и акафист, сформирован иконографический канон. Православная церковь в Чехии ведет активный межкультурный и межхристианский диалог с представителями Гуситской церкви, русские, украинцы, русины из Закарпатья зачастую получают образование на гуситском теологическом факультете Карлова университета, где преподавание некоторых предметов ведется на русском языке [О fakultě].

Таким образом, память о Яне Гусе и его наследии живы до сих пор. Однако данной исторической личности следует уделять больше внимания в России в рамках православной традиции, так как чешский идеолог-реформатор впервые за долгие годы Средневековья обратился вновь к национальному, а значит кирилло-мефодиевскому наследию и его значению для богослужебной и внелитургической практики. Стремление Яна Гуса вернуться к историческим (апостольским) временам христианства послужило для воссоздания межкультурных связей Чехии с православными народами Восточной и Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Гильфердинг 1871 – *Гильфердинг А.Ф.* Гус. Его отношение к православной церкви. СПб., 1871. 79 с.

Лаптева 2015 – *Лаптева Л.П.* Ян Гус в освещении русской историографии столетий // *Славяне и Россия.* 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yan-gus-v-osveschenii-russkoy-istoriografii-stoletiy> (дата обращения: 15.05.2021).

Пичета 1947 – *Пичета В.И.* История Чехии. М., 1947. 260 с.

Серебрянский 1915 – *Серебрянский Н.И.* Ян Гус, его жизнь и учение (По поводу пятисотлетия со дня кончины знаменитого чешского учителя). Псков, 1915. 62 с.

O fakultě – Husitská teologická fakulta / URL: <https://htf.cuni.cz/HTF-480.html> (datum odvolání: 15.05.2021).

Кристина Семисалова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Пансофия Я.А. Коменского как основа единого знания

Вплоть до XVII в. не было предпринято каких-либо попыток разработать педагогическую теорию. Ян Амос Коменский был одним из первых, кто изложил передовые педагогические концепции и создал фундамент для оформления педагогики как автономной науки.

В противовес схоластическому учению Коменский выработал новую систему знаний – пансофию, науку обо всем. Пансофия должна была стать прямым отображением вселенной и включать в себя все знания о Боге, о природе, о человеке и мире в целом.

В чешской комениологии в 1990-е гг. появилось утверждение о том, что Я.А. Коменский был подвержен влиянию рудольфинской культуры рубежа XVI–XVII вв., неотъемлемой частью которой являлась категория *harmonia mundi*. Она основана на принципе тождества макрокосма (Вселенная) и микрокосма (человек).

Коменский соотнес в своей системе макрокосм с микрокосмом и применил это к педагогике в виде взаимосвязи познаваемого и познающего – обучаемого человека.

Без земного и небесного единства разрушился бы педагогический принцип чешского мыслителя, направленный на непрерывное совершенствование человека в духовном и практическом аспектах. Я.А. Коменский порицал средневековое осуждение земной жизни. Наоборот, он считал, что мир – это материальная эманация Бога, а потому его следует осваивать и открывать.

Пансофическая идея Я.А. Коменского «учить всех всему» имеет в своем основании призыв к всеединству, ведь во вселенский универсум он хочет включить абсолютно все человечество, не взирая на нацию, социальное положение, пол или возраст.

Для VII столетия Я.А. Коменский выразил футуристические идеи. Он фактически выдвинул модель всеобщего образования. В свою пансофию Коменский полагал включить достижения всех наук, ученых и народностей.

Большое значение чешский мыслитель придавал общему образованию, направленному на устранение человеческих пороков и установление гармонии мира. В этом плане Коменский близок к гуманистам с их оптимистичным настроем в отношении человека.

Философия Я.А. Коменского, основанная на идеях Пансофии, Бога и мировой гармонии, оказывается вполне практичной, поскольку затрагивает суть общественных процессов нынешнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деньщикова А.В. Рудольфинская культура // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2. М., 2011. С. 92–94.
2. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. М., 1939. 288 с.
3. Марчукова С.М. Ян Амос Коменский: приглашение к диалогу. СПб., 2008. С. 74–81.
4. Мельников Г. Harmonia mundi в философии образования Я.А. Коменского // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3–4 июня 2015 г.). СПб., 2016. С. 7–18.

Александра Слюсарь

МГУ им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа современных социальных наук, бакалавр
Москва, Россия

Vzdělání v České republice: stupně, zvláštnosti, výhody

Moderní přístupy k organizaci vzdělávacího systému poskytují široký výběr příležitostí. Současné kvalitní vzdělání je stále více populární jak pro další budování úspěšné kariéry, tak pro osobní rozvoj.

Globalizace jako proces globální ekonomický a kulturní integrace rozšířila vzdělávací obzory. Moderní studenti mají možnost studovat nejen ve své rodné zemi, ale také se učit v nejlepších vzdělávacích institucích na světě. Zároveň pokrokové technologie umožňují získat nové znalosti doma pomocí dálkového studia.

Zářným příkladem země, která nabízí široké možnosti vzdělávání, je Česká republika. Každý stupeň studia v České republice zahrnuje obrovský výběr

programů, vzdělávacích zaměření a institucí. Důležitá výhoda českého vzdělání je možnost studovat bezplatně, a to i pro zahraniční studenty. Zároveň je třeba poznamenat, že téměř všechny přednášky jsou v češtině, a pokud abiturient je připravený snažit se, pak pravděpodobnost bezplatného vysokoškolského studia na české univerzitě závisí pouze na osobní úrovni znalostí a průpravy [Соловьева 2020].

Пříležitost získat kvalitní bezplatné vzdělání v evropské zemi přitahuje studenty z celého světa, ale co o tom myslí zaměstnavatelé?

V průběhu této práce dospěli jsme k několika důležitým závěrům.

Za prvé, český vzdělávací systém poskytuje příležitost zahraničním studentům studovat bezplatně. Abyste mohl studovat na jedné z českých státních univerzit, musíte složit přijímací zkoušky a testování z českého jazyka. Nehledě na podstatný rozdíl v procesu nástupu na univerzitu mezi zeměmi SNS a Českou republikou, se každý vyškolený uchazeč může stát studentem.

Za druhé, české univerzity poskytují vysoce kvalitní vzdělávání, které umožňuje počítat s dalším úspěšným zaměstnáním. České univerzity připravují odborníky v žádoucích profesích. Kromě toho český vzdělávací systém funguje díky dodržení nezbytné výše rozpočtového financování a významné pomoci ze strany Evropské unie na vysoké úrovni. Řada českých univerzit je zařazena do seznamu nejlepších vzdělávacích institucí na světě, a proto české vzdělávání je opravdu žádoucí mezi zaměstnavateli po celém světě [Соловьева 2020].

LITERATURA

Соловьева 2020 – Соловьева В.С. Все что нужно знать о бесплатном образовании в Чехии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gostudy.cz/blog/sovety-eksperta/ucheba-v-chehii-dlya-russkih> (Дата обращения: 05.04.2020).

Высшее образование в Чехии: обзор [Электронный ресурс]. URL: https://abroadz.com/visshee_obrazovanie_v_chehii/ (Дата обращения: 10.04.2021).

Все прелести бесплатного образования в Чехии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.educationcenter.cz/blog/vse-prelesti-besplatnogo-obrazovaniya-v-chehii/> (Дата обращения: 08.04.2020).

Алексей Анисимов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, бакалавр
Москва, Россия

Národní měna Československa a České republiky jako kulturní odkaz a odraz směru české kultury v novějších dějinách.

Cílem této práce je projednat fáze vývoje české národní měny a sledovat jejich vztah k dějinám českého státu ve dvacátém století.

Historie České koruny sáhá až do roku 1882, když byla zavedena v Česku, které bylo součástí Rakousko-Uherské monarchie, jako jednotná měna. Vytvoření nové měny v Rakousko-Uhersku přispívalo k modernizaci zastaralého peněžního systému. Tato měnová jednotka dostala název «koruna», který odrážel symbol královské moci, konkrétně moci rakouského císaře.

Je pozoruhodné, že koruna přežila rakouskou monarchii, kterou kdysi prezentovala. Existuje dodnes a v XX. století získala zcela jiný význam a stala se jedním z nejdůležitějších symbolů české státnosti a odrazem českých dějin.

V roce 1918 se v důsledku změny politické mapy kontinentu objevil nový a nezávislý stát – Československá republika. Získání nezávislosti si vyžádalo zavedení nového měnového systému. Až do roku 1924 byla pro novou měnu navrhována řada názvů, ale nakonec si lidé rozhodli nechat korunu. Tak začala nová historie již skutečně československé koruny. Autorem designu nových peněz od roku 1919 byl slavný český malíř Alfons Mucha. Velký umělec vložil do návrhu bankovek celou svou duši a vytvořil opravdový skvost. Elegantní bankovky první Československé republiky odrážely aktivní a kvalitní rozvoj země a její kultury.

Během německého protektorátu se měnový systém Čech a Moravy proměnil ve skutečný chaos, který odrážel osud české státnosti. Platili všem: od Říšských marek po maďarské Pengő. Koruna však ani v té době neopustila Českou republiku a existovala jako peněžní jednotka protektorátu. Na tehdejších bankovkách se objevili obrazy rytíře Bruncvíka, Karlova mostu a sv. Václava, ale slovanské profily byly nahrazeny profily árijců.

Pád nacistického Německa a vznik nové socialistické republiky Československa v roce 1948 předurčili stabilitu československého měnového systému a vznik nové koruny. Bankovky socialistické republiky se úplně lišily od předchozích. Hlavními postavami při designu bankovek a mincí socialistického Československa byli dělníci a rolníci. Koruna kombinovala národní české symboly s komunistickými, ve skutečnosti odrážejíc hlavní směry socialistické české společnosti.

Sametová revoluce v listopadu 1989 transformovala Československo ze socialistického státu na demokratickou republiku, což ovlivnilo i jeho měnový

system. Československá koruna se stala korunou České a Slovenské federativní republiky.

Od února 1993 začíná historie moderní české koruny. Obyvatelstvo si mohlo vybrat, koho ze slavných lidí v historii České republiky by rádo vidělo na bankovkách. Tak vznikl vzhled nové koruny, odrážející staletou historií Česka.

Česká republika po patnácti letech členství v EU zachovala svou národní měnu, na rozdíl od Slovenska, Slovinska a pobaltských zemí. Češi se nechtějí vzdát své národní měny, protože se česká koruna v průběhu obtížné historie XX. století stala skutečným národním symbolem, odrazem české svrchovanosti a státnosti.

LITERATURA

1. История Чехословакии: в 3 т. Т. 3 / Ин-т славяноведения Акад. наук СССР; под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.

2. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений Dokumenty a materialy k ejinam ceskoslovensko-sovetskych Ztahu в 5 т. Т. 5 / ред. коллегия: сов. часть – П.Н. Поспелов (отв. ред.), чехословац. часть – В. Краль (отв. ред.). М.: Наука, 1988. 481 с.

3. Pánek J., Tůma O. A History of the Czech Lands. Prague: Charles University, 2009. 639 p.

4. Klaus V. Dvacet let české měny. Praha, Institut Václava Klause, Centrum pro ekonomiku a politiku, 2013. 47 s.

5. Dittrichová J., Ptatscheková J. Dvacet let české koruny na pozadí vývoje obchodního bankovníctví v České republice. Praha, Grada, 2013. 144 s.

Виктория Головня

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Městská každodennost Prahy:

potravinářské tradice (podle «Povědek malostranských» Jana Nerudy)

Ideolog českého realismu Jan Neruda (1834–1891) v cyklu děl “Povídky malostranské” (1878) vytvořil obraz života pražských obyvatel, žijících na Malé Straně. Chronologicky povídky zahrnují období od roku 1848 do 1870. let. Povídky jsou vhodným zdrojem pro studium městské každodennosti Prahy ve druhé polovině 19. století.

Chtěli bychom si všimnout takový aspekt každodenního života, jako potravinářské tradice. Kuchyně je důležitým kulturním prvkem, který pomáhá určit úroveň blahobytu života a udělat závěry o lidské psychologii.

Všechny potravinářské tradice lze rozdělit do dvou kategorií: doma a v hospůdce. Promluvíme si nejprve o domácí kuchyni.

První věc, kterou potkáváme, je domovní zvyk jíst hrachovou polévku každé pondělí [Neruda 2011: 15]. Ale u Nerudy to není polévka – to je “polívka”. V několika povídkách vidíme na stolech Pražanů různé polívky. Paní Lakmusová vaří pro svého manžela vinný vývar; slečna Poldýnka na oběd podává “krupicovou polívku” [Ibid: 130]. Pan Krumlovský se pro sebe přiznával, že by “jedl bramborovou polívku třikrát za den” [Ibid: 185].

Tak se zdá, že žádný dům na Malé Straně se neobejde bez polívky. Jak se říká, polévka je jídlo chudých. To je pravda jen proto, že je to dost jednoduché na přípravu jídlo a taky se nepotřebuje pro ni mnoho potravin, protože jejich nedostatek lze kompenzovat vodou - vývarem. A kromě toho některé přísady lze používat několikrát. Tak vidíme, že Pražané preferují v jídle jednoduchost.

Kromě polévky se doma jedí samozřejmě knedlíky a maso – typické české speciality. Manželka pana Ebera připravila na snídani “knedlíky s mlíkovým křenem” [Ibid: 77]. Kolegové Václava Bavora také diskutují o této české pochoutce: “Dnes máme pátek, už se těším na knedlíky, moje žena je dělá, že se jen rozpadávají” [Ibid: 45]. Stejný pan říká, že každý pátek určitě jedí maso – “půl libry pro všechny jako vždy” [Ibid: 45]. Můžeme udělat závěr i o skromnosti porce.

Tak na Malé Straně existuje osobité nevyslovené “menu”: hrachová polévka – každé pondělí, knedlíky a maso – každý pátek. Tento přístup k budování přídělu svědčí o tvorbě vlastního malostranského malého světa, protože se tyto domovní zvyky týkají nejen jedné rodiny nebo domu, ale celého území Prahy.

Jídlo v hospůdce se skoro neliší od domácí kuchyně. “<...> guláš – paprika – zadělávané drobečky <...>” [Ibid: 196], – čte menu pan Klikeš. Ve stejné hospůdce si pan Krumlovský dá polévku a maso s červenými řípami [Ibid: 199]. Jinými slovy, to je prosté, mastné a hlavně vydatné jídlo.

Odděleně dáme pozor na nápoje. Nemusíme dlouho hádat, abychom pojmenovali nejoblíbenější nápoj Pražanů. Postavy Nerudy pijí pivo při jakékoli vhodné příležitosti, ale ne doma. Například, pan Ryšánek a pan Schlegl se denně setkaly v restauraci na pivo a dýmku a “jedenáct let již zasedali tak den co den” [Ibid: 84].

Druhým nejoblíbenějším nápojem v Praze je káva. Přišla do evropské městské kultury ještě v 18. století a patrně neobešla taky Prahu. Nicméně nevidíme u Nerudy kavárny: lidé pijí kávu doma a zpravidla při snídani, viz např.: [Ibid: 163; Ibid: 182, 190].

Z úst pana z úřadu zní závěr o české kuchyni: “Co bychom vařili!” [Ibid: 45]. Toto rétorické zvolání svědčí o nenáročnosti Pražanů v potravinách. Jídlo a pití takové povahy – prosté a výživné – je plodem české kultury. Taková potrava zpravidla je běžná pro pracovníky, což odpovídá duchu pravého Čecha. Tak se před námi objevuje Praha: kdyby mohla být místem, samozřejmě by byla hospůdkou.

LITERATURA

Neruda 2011 – Neruda J. Povídky malostranské. Praha, 2011. 255 s.

История литератур западных и южных славян. Т. 2. М., 1997. С. 404–428.

Соловьева А.П. Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., 1973.

Mgr. Andrea Bublíková

Katedra bohemistiky Univerzity Palackého v Olomouci, absolventka
Оломоуц, Чехия

Etymologie názvů vybraných krojových součástek jihovýchodní Moravy

Jižní Morava je region, v němž je oblékání kroje při slavnostních příležitostech stále živou tradicí, a proto u jeho nositelů vznikají časté otázky týkající se původu názvů jednotlivých komponentů, které jsou příčinou lidové etymologie, jejíž vyvrácení bylo hlavním cílem původního výzkumu. V rámci příspěvku budou představeny součástky, jejichž názvy se nějakým způsobem odrážejí i v ruském jazyce či kultuře.

Rubáč, rubáš. Jedná se o ženský oděv odpovídající dnešnímu spodnímu prádlu, který znali již staří Slované. Podobá se dlouhé košili bez rukávů a býval tou nejintimnější částí ženského oblečení (Václavík zmiňuje, že jej ženy při praní a sušení pečlivě schovávaly, dokonce se jednalo o tak citlivou záležitost, že ho někteří muži neviděli po celý svůj život. [Václavík 1930: 150]). V Čechách a na Slovensku byl název později přenesen na jednoduchý oděv do rakve [Machek 1971: 522], případně na vojenskou blůzu *rubášku* [Holub a Lyer 1978: 425]. Jasnou spojitost najdeme při srovnání výrazů pro košili v jazyce ruském (*rubácha*, *rubáška*), ukrajinském (*rubátka*), srbochorvatském (*rubāča*, *rubina*), slovinském (*robača*) či bulharském slovu pro oděv *rubā*. Tyto útvary vycházejí od základu *rub*, který odkazuje ke „kusu urubnutému“ [Machek: tamtéž], praslovanská podoba tohoto slova **rǫbъ* označovala *to, co je odseknuto, odříznuto* [Rejzek 2012: 548]. Název oděvu tak souvisí s trháním, rvaním vlny (*roucha*, *rouna*), *rubáním* látky (srov. ruské *rubišče*, tedy *hadry*, *ošumělé šaty*) a údajně snad i s krádeží (srov. francouzské *robe*, italské *roba* – *šaty*, německé *der Raub* – *krádež*). Příbuznými slovy jsou například *srub*, *roubení*, *roubík*, *roubovat*, *ale i otruby a rubl* [Kopečný

a Holub 1952: 317]. Přestože Václavík uvádí vedle rubáče také ekvivalent *ropská šata* (a stejným způsobem píše i *ropsko*, tedy označení pro ženu, „robu“), je spojitost pouhou lidovou etymologií.

Turečák. Úprava hlavy nebyla (a není) jen otázkou módy, nýbrž i postavení ženy ve společnosti. Mladé dívky chodily bez pokrývky se zapletenými vlasy, při slavnostních příležitostech nosily věnce [Václavík 1930: 161–164], případně turecký šátek, jehož styl úvazu se však měnil se sociálním statusem ženy. Zmínku o turečáku (*turčák*, *turáň*, *turecký šátek*) lze dohledat v Machkově slovníku pod heslem *turkyně*, tedy (turecká) kukuřice. Autor uvádí, že věci přicházející z východu byly často nazývány tureckými i přesto, že Turci nebyli jejich přímými původci (srov. *turek*, *turčak* – dýně, *turák* – skvrnitý fazol [Machek 1971: 661]). Jedná se tedy o obecné přízvisko pro všechny novinky z ciziny bez ohledu na skutečnou zemi původu (např. Ameriku). Název šátku tak nesouvisí se zdánlivě orientálními ozdobnými ornamenty, jak bývá občas interpretováno, mylnou lidovou etymologií je také přirovnávání specifických úvazů k tureckým turbanům.

Župica a jupka. Sváteční krátký mužský kabát z modrého sukna se nazývá župica [Václavík 1930: 178]. Jupka je výrazem pro volný ženský zdobený kabátek [Petráková 2007: 30], později označoval prostou halenku [Kolařík 2010: 28]. Přes zdánlivou rozdílnost mají obě slova stejný původ. Přestože se etymologové neshodují na přesném tvaru, uvádějí shodně jako počáteční arabský výraz pro *svrchní oděv s rukávy* – *ğubba* [Rejzek 2012: 645], *ğubbet* [Machek, 1971; s. 629] a *gubbah* [Holub a Lyer, 1967; s. 525]. Ten se do českého jazyka dostal přes italské *giubba* [Machek: tamtéž; Rejzek: tamtéž] nebo *giuppa* [Holub a Lyer, tamtéž] a následně německé *Schube* [Kopečný a Holub 1952: 377]. Italská výslovnost údajně dala vzniknout výrazům *župica* a *župa*, pojmy *šuba*, *čuba* a *jupka* se však nejen do slovanských jazyků dostaly přes již zmíněné *Schaube* [Machek: tamtéž], srov. *kožich* ve slovinském *šûba*, polském *szuba* [Rejzek: tamtéž] i *šubara* – *kožená čapka*, ruském slově *šuba* označujícím *kožich* [Holub a Kopečný: tamtéž] a *júbka*, tedy *sukně* [Rejzek: tamtéž].

Vzhledem k tomu, že folklorní názvosloví odráží archaické tvary a varianty slov, je nepochybně bohatým zdrojem dalších komparativních analýz a výzkumů.

LITERATURA

HOLUB, Josef a Stanislav LYER. *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*. 2. rozš. vyd. Editor Ivan LUTTERER. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978, 527 s.

KOLAŘÍK, Josef, 2010. *Nářeční slovník Luhačovického Zálesí*. Vyd. 1. Luhačovice: Město Luhačovice, ISBN 978-80-254-7665-9.

KOPEČNÝ, František a Josef HOLUB. *Etymologický slovník jazyka českého*. 3. přeprac. vyd. V Praze: Státní nakladatelství učebnic, 1952, 575 s.

MACHEK, Václav. *Etymologický slovník jazyka českého*. 3. nezm. vyd. Praha: Academia, 1971, 866 s.

PETRÁKOVÁ, Blanka. *Lidový kroj luhačovického Zálesí*. Zlín: Muzeum jihovýchodní Moravy ve Zlíně, 2007. ISBN 978-80-903411-9-7.

REJZEK, Jiří. *Český etymologický slovník*. 2., nezměn. vyd. Voznice: Leda, 2012, 752 s. ISBN 978-80-7335-296-7.

VÁCLAVÍK, Antonín. *Luhačovské zálesí: příspěvek k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané*. Luhačovice: Musejní společnost, 1930, 671 s.

Златослава Корнева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая школа телевидения, бакалавр
Москва, Россия

Česká mentalita prizmatem animovaných filmů

Často animaci vnímají jako herní žánr, ale hraje i kulturní roli: díky ní se můžete seznámit s mentalitou země.

Účelem práce je odhalit projev charakteru českého národa v animovaných filmech, prozkoumat v nich odraz národních zvláštností. Na základě literatury o české mentalitě autor provádí paralelu mezi specifickými národnostními vlastnostmi Čechů a jejich zobrazením v animaci. Výzkum se opírá o šest českých animovaných filmů («Krtek», «Křemílek a Vochomůrka», «Bob a Bobek», «Pat a Mat», «Dobrý voják Švejk», «Štaflík a Špagetka»).

Hlavní postavy, stejně jako Češi, jsou přátelští. To se projevuje v jejich pomoci druhotným hrdinům. Díky optimismu postavy nemají žádnou agresi vůči svým antagonistům. Nejsou závislí na problémech a neobviňují z toho nikoho, ale řeší je. To se jasně projevuje v animovaných filmech «Křemílek a Vochomůrka» a «Štaflík a Špagetka».

Hlavní hrdinové jako Češi jsou nadšenci, často se zabývají hudebními a sportovními aktivitami. Souvisí to s bohatou kulturní historií Česka v těchto sférách a často se vyskytuje v «Krtečku» a v seriálu «Bob a Bobek».

Vychytralost jako národní odlišnost je rysem hlavních postav. Hyperbolizovaná vynalézavost hrdinů je ideovým fundamentem «Pata a Mata». Své problémy kreativně řeší i Krtek.

Humor je specifickou součástí české mentality. Zaměřuje se na řešení problémů, optimismus ohledně smutných situací, odhalování neřeší okolních hrdinů a v animovaných filmech se často používá jako základ námětu nebo uvolnění dějových situací. Jako leitmotiv je vidět v «Dobrému vojákovi Švejkovi», v seriálech «Pat a Mat» a «Bob a Bobek».

Skrze animaci je odhalena i česká etiketa: například, scéna krátkého podání ruky, rýmy a smrkání (v «Bob a Bobek», «Dobrému vojákovi Švejkovi»). Češi jsou

schopni mluvit bez zábran o mnohých sporných tématech: v animovaných filmech je obraz toaletní budky, scény porodu, kouření.

V animaci se odráží láska občanů ČR k domácím mazlíčkům, zejména ke psům. Mohou být jak hlavními postavami («Štaflík a Špagetka»), tak i druhotnými («Krték»).

Péče o ekologii jako národní rys se projevuje v harmonické interakci hrdinů a přírody. Proto jsou kreslené postavy šetrné k rostlinám, pomáhají jim. A ti zase obdarují hrdiny svým přátelstvím, krásou a ovocem. Láska k okolnímu světu je pozorována jak v replikách a obsahové náplni, tak i v technické rovině: Hrdinové jsou bezbarví («Křemílek a Vochomůrka»), ale svět kolem nich je detailní a barevný.

Národnostní sklony k alkoholu Češi označují za autostereotyp. To se také odráží v animaci a je populárním dějovým chodem v «Dobřím vojákově Švejkovi» a seriálu «Bob a Bobek».

Takže české animační postavy odrážejí povahové zvláštnosti českého národa, a tyto zvláštnosti se stávají prostředky, pomocí kterých se vytvářejí náměty a ideje českých animovaných filmů.

LITERATURA

1. Белоусова В.В. «Чешский шок»: к проблеме изучения национальных менталитетов // Материалы XII Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур», Выпуск 14. Москва: Центр по взаимодействию культур, 2008. С. 21–31.

2. Перепелица В.Б. Чехия без вранья. М., 2015 г.

3. Джинджолия Г. Культурный шок – впервые в Чехии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskerealie.zcu.cz/1-6-ocima-gigla>

4. Tlolková, Š. Autostereotyp Čecha u studující mládeže. Ostrava, 1999.

Алиса Бочарова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Культурологический аспект раннего творчества А. Мухи

Творчество А. Мухи хорошо известно и популярно не только в Чехии, но до сих пор оно остается недостаточно изученным. Особый интерес представляет ранний период творческой деятельности художника, когда формировалось его мировоззрение.

Попробуем выделить некоторые факторы, повлиявшие на раннее творчество А. Мухи. Во-первых, это осознание своей чешской идентичности и ярко выраженные патриотические взгляды [Bridges 1991: 9]. Другим неотъемлемым фактором является роль религии, с детства сопутствующей художнику. Впечатление художника от католической церкви и ее обрядов, религиозного искусства и музыки, истории родного города и местности, в которой он родился и проживал, патриотические настроения населения – все это сыграло большую роль в его жизни и творчестве. Причем необходимо отметить ее [религии] особое влияние, как сферы духовного, выраженного в искусстве, в особенности в чешском барокко (церковь св. Петра в Брно, влияние Умлауфа) [Mucha 1967: 7]. Не менее важно целостное восприятие искусства А. Мухой как некоего синтеза, что нашло свое выражение в его увлечении театром (период работы в Вене) [Баженов 2019: 25]. Также образ невидимой женской сущности-ангела из детства художника оставил неизгладимый след в его сознании, соединившись с впечатлениями от работ Ханса Макарта [Орлова 2011: 17].

Следующим значимым этапом для А. Мухи стало обучение в Мюнхенской Академии. Он оказался в окружении студентов славянского происхождения (Л. Пастернак, Д. Видгоф, К. Машек, Л. Марольд и др.) познакомился с исторической живописью, в которой он, возможно, и видел свое предназначение – в передаче национальных, патриотических идей, в воспевании своей горячо любимой Родины – Чехии. Помимо этого, во времена учебы укрепились его панславистские взгляды, его мечты об объединении славян.

Учеба в Париже и в целом «парижский период», включая контракт с Сарой Бернар, и последовавшие за ним заказы, также стал важным этапом в формировании творчества А. Мухи) [Ульмер 2002: 9]. К этому периоду относится знакомство художника с течением символизма, которое оставило глубокий отпечаток на его мировоззрении и творчестве. Так же произошло знакомство с выдающимися французскими живописцами и их концепциями, в которых А. Муха также черпал вдохновение. А. Муха создал собственный стиль («стиль Муша»), закрепивший за ним славу и имя выдающегося художника модерна, но ставший впоследствии помехой в осуществлении серьезных творческих идей А. Мухи.

Отдельно стоит выделить влияние мистицизма и спиритуализма на творчество художника. Результаты мистических практик стали отражаться в работах А. Мухи. Он пытался компенсировать «легкомысленные, модные причуды» своих афиш, плакатов и прочих работ, изображая экстатические фигуры, выражающие глубокие мысли в жестах – отражение сеансов гипноза. Также в орнаменты А. Мухи стало проникать всё больше оккультных, розенкрейцеровских и масонских символов.

В заключение хочется привести слова самого художника, определяющие его концепцию искусства: «Я не хочу быть художником, если это значит создавать искусство ради искусства. Я бы предпочел быть обычным портретистом – потому что именно в этом я вижу миссию искусства. Представление о современном искусстве как о предмете уходящей моды – это его оскорбление. Искусство столь же вечно, как и прогресс человека, ибо функция его состоит в том, чтобы освещать путь человека [Mucha 1967: 149].

ЛИТЕРАТУРА

Bridges 1991 – *Bridges A.* Alphonse Mucha: The Complete Graphic Works. London, 1991.

Mucha 1967 – *Mucha J.* Alphonse Mucha: His Life and Art. New York, 1967.

Баженов 2019 – *Баженов В.М.* Модерн: Климт, Муха, Гауди. М., 2019.

Орлова 2011 – *Орлова Е.Г.* Непознанный Альфонс Муха // Наша галерея, 2011.

Ульмер 2002 – *Ульмер Р.* Альфонс Муха: Мастер «ар-нуво». М., 2002.

Валерия Региди

РГГУ, Институт филологии и истории, бакалавр
Москва, Россия

Specifika narativu v románu Ladislava Fukse *Spalovač mrtvol*

Román *Spalovač mrtvol* (1967) se svým vyprávěním vyniká z velkých děl Ladislava Fukse šedesátých let. Analýzou narativu tohoto románu se zabývali mnozí čeští literární vědci, například Milan Suchomel a Erik Gilk. Avšak charakteristika narativních strategií v jejích pracích byla prováděna převážně komparativní metodou a to porovnáním tohoto díla s jinou autorovou tvorbou kvůli čemu často není podrobná. Ve své studii se soustředíme na analýzu narativních modelů a jejich transformace a také na fokalizaci v románu Ladislava Fukse.

Za specifické rysy narativu v románu jsme označili následující:

1. prolínání vyprávění a promluv hlavní postavy;
2. opakování panem Kopferkingelem slyšených nebo přečtených slov a nápadů;
3. střet přímé řeči, která je vyjádřena nahlas, a vnitřního monologu postav;
4. záměna jmen postav a názvů objektů v řeči pana Kopferkingela a v textu narátora a také použití eufemismů a epitet pro oslovení účastníků událostí;

Na základě těchto rysů je logické nahlížet na způsob organizace procesu vyprávění v textu v aspektu jeho *nespolehlivosti* (nespolehlivé vyprávění). Názorným příkladem nespolehlivého narativu je chování postav a obzvlášť také jejich řeč. Vedlejší postavy na jedné straně předvídali chod události v románu a na druhé straně sloužili rozeznání lži narátoru. To, jak postavy hodnotí události, je spojené s jejich sociálním postavením v období hrozby nacistické okupace, tj. jejich unikátní filozofie je výsledkem osobní reflexe aktuálních procesů. Hlasy těchto postav jsou autonomní a tím pádem subjektivní. Absence vševědoucího vyprávěče neumožňuje žádnému z těchto hlasů se stát dominujícím – objektivním, což vytváří vícehlasí narace (svého druhu polyfonii *nespolehlivého* vyprávění). Velkou roli hrály i pokusy samotného hlavního hrdiny o mystifikaci a odpoutání pozornosti od skutečné situace. Vyprávění v er-formě umožnilo posílit nespolehlivost tím, že nejsou metamorfózy ve světonázoru hlavního hrdiny zobrazovány jasně, ale existují v nárážkách.

Taková struktura vyprávění ukazuje na změny v osobě pána Kopferkingela, které v něm pobíhají prostřednictvím vlivu ostatních. Vícehlasí a dostupnost různých ideologií z jedné strany staví hrdinu do situace výběru: mohl následovat každou z nich, co vidíme od začátku na tom, jak si přivlastní cizí věty a repliky. Ze druhé strany vytváří obraz polyfonního světa, ve kterém koexistují autonomní subjektivní hlasy. To, že se pan Kopferkingel přiklonil k nacistické ideologii je spojeno s jeho specifickým vnímáním světa a myšlením (nespolehlivost povahy, nezdravý obdiv smrti, sklon k násilí atd.).

LITERATURA

1. Fuks L. Spalovač mrtvol. Praha: Odeon, 2017. 144 s.
2. Gilk E. Nespolehlivé vyprávění v prozaických textech Ladislava Fukse // World literature studies. 2013. № 5 (22). S. 76–91.
3. Suchomel M. Meze metody // Host do domu. 1967. Vol.14. №10. S. 63–64.
4. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, 2015. 416 с.
5. Шмид, В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Людмила Феноменова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Концепция агеластов М. Кундеры и политкорректность в комическом: сходства и различия

В концепции Кундеры агеласт – эстетически-экзистенциальное понятие.

Кундера даёт такое определение: «агеласты, которым никогда не приходилось слышать смеха Бога, убеждены, что истина ясна, что все люди должны думать одинаково, а сами они представляют именно то, что о себе думают» [Кундера 213: 212]. Агеласты в каждой шутке видят кощунство: «те, для кого жизнь священна, причем священна вся, без ограничений, на любую шутку реагируют с явным или скрытым раздражением, поскольку в любой шутке проступает комическое, которое, будучи таковым, является тяжким оскорблением святости жизни» [Кундера 2010: 154].

Политкорректность – это термин для обозначения языковых практик, предназначенных для того, чтобы не оскорблять или иным образом не ставить в неудобное положение уязвимые группы людей.

Исследователями отмечается, что «политическая корректность – это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [Ионин 2010: 41].

Политкорректностью любая шутка, которая обличает парадоксальность реализации на практике принципа всеобщего равенства, воспринимается кощунственной.

Различие между концепцией Кундеры и политкорректностью заключается в том, что политкорректность защищает вполне определённые темы, а Кундера не называет темы, над которыми шутить можно, и темы, над которыми шутить нельзя. Кундера считает, что «все, присущее человеку, несёт в себе комический аспект, который в одних случаях признан, принят, используется, в других – глубоко скрыт» [Кундера 2013: 183].

Политкорректность, пытаясь ограничить шутки на определённые темы, которые могут быть довольно жестокими, имеет своим намерением такую благородную цель как создание такого общества, в котором каждая личность будет пониматься как равнодостоящая и будет признаваться и уважаться право каждой личности на отличие.

Однако политкорректность порождает новый тип социальной структуры, так называемое общество меньшинств, в котором именно меньшинства имеют универсальные права, а большинство ведёт теневое существование и является лишь фоном, демонстрирующую специфику любого рода меньшинств, обосновывая их претензии на высокий социальный статус и привилегированное место в системе распределения благ.

Рассуждая о комическом, Кундера даёт такое определение юмору: «Божественная вспышка, обнажающая мир в его нравственной двусмысленности и человека в его полной некомпетентности вершить суд над другими; юмор: опьянение относительностью всего присущего человеку; странное удовольствие, проистекающее из уверенности, что уверенности не существует» [Кундера 2010: 38].

Кундера считает, что без агеластов невозможно понять комическое, существование агеластов «придает комическому размах, открывает его перед нами как пари, риск, разоблачает его драматическую сущность» [Кундера 2010: 154]. Но при этом он подводит такой итог: «В Европе мы переживаем конец Нового времени, конец индивидуализма, конец искусства как выражения неповторимой самобытности личности, конец, предвещающий наступление эпохи неслыханного единообразия» [Кундера 2013: 191].

По моему мнению, оригинальный взгляд Кундеры на комическое в нынешнее время недооценён, хотя его пронизательность поражает и заставляет взглянуть на происходящие социокультурные явления под иным углом, нежели чем с точки зрения политкорректности.

ЛИТЕРАТУРА

Ионин 2010 – *Ионин Л.Г.* Общество меньшинств: политкорректность в современном мире / Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ». 2010. № 1.

Кундера 2010 – *Кундера М.* Занавес / Пер. с фр. А. Смирновой. СПб., 2010. 240 с.

Кундера 2013 – *Кундера М.* Искусство романа: эссе / Милан Кундера; Пер. с фр. А. Смирновой. СПб., 2013. 224 с.

Фёдор Миляев

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Синтез фольклорных и христианских мотивов в балладе Я. Краля «Заколдованная панна в Ваге и странный Янко»

Рассматриваемое произведение воплощает существенные признаки жанра баллады: оно построено вокруг главного события, связанного со встречами героев из двух разных миров (обычного и мистического), и присутствует третья сторона в виде Бога или судьбы.

Произведение Краля построено как «рассказ в рассказе». Лирический герой говорит о себе как о неприкаянном страннике. Затем в описанном художественном мире появляются персонажи, чьи действия обрамляют основной сюжет: мать рассказывает детям историю о странном Янко. Поэт использует характерные для фольклорных текстов повторы, анафоры. Баллада Краля с первых строк демонстрирует свою связь с народной традицией. При этом фольклорные мотивы вступают в сложное взаимодействие с христианскими.

Когда в воскресенье все идут на службу и молятся Богородице, нелюдский герой не облачается в воскресное одеяние и продолжает бродить в одиночестве.

Когда семья Янко благодарит Бога за столом перед ужином, герой молчит, а затем уходит. Тем не менее, герой не отвергает Бога: «Будь что будет, я пойду, на всё воля Божья».

Далее мы узнаём легенду о том, что каждый год в долину выходит заколдованная «панна». Она плачет, пугает людей и гонится за ними, поэтому все боятся и стараются не выходить из домов. Если же кто-то осмелится прыгнуть в Ваг, надев одежду наизнанку, он может расколдовать деву, а затем попросить у неё всё, что захочет.

Герой задумывает последовать преданию и расколдовать «панну». Перед тем, как броситься в воду, Янко молится, смотрит на небо, дважды крестится, целует крест и четки. Он также целует землю, что свидетельствует о его связи с природой. Последним словом героя становится «Аминь». Н.В. Шведова отмечает здесь мотив жертвенности [Шведова 2002: 397].

Янко Краля следовал христианским идеалам [Там же: 396], однако в данном произведении он переосмысливает их в романтическом ключе. Главный герой баллады не соблюдает традиционных религиозных обычаев, но он решается на подвиг, посвящая его Богу.

После гибели Янко сливается с природой. Жители деревни воспринимают смерть Янко как горе, когда пастушок приносит им весть об этом, поскольку герой пытался расколдовать деву, но потерпел неудачу. Из этого мы можем сделать вывод о положительной авторской оценке героя.

Для жанра баллады характерен сюжет, в котором герой бросает вызов высшим силам и терпит за это наказание. Так, в произведениях Жуковского Людмила ропщет на Бога из-за гибели жениха, а паж из «Кубка» пытается узнать тайны морского дна, и судьба осуждает их на гибель. В балладе «Лесной царь» герой оказывается беспомощной жертвой ирреальных сил, с которыми случайно соприкоснулся. А в «Светлане» героиня справляется с испытанием, сохранив верность Божественному закону. В рассматриваемой же балладе «Заколдованная панна...» происходит синтез различных тенденций: Янко остаётся верен Богу и при этом сливается с природой, трагически погибая при попытке справиться с потусторонними силами, воплощенными в фольклорном образе заколдованной «панны». Автор не осуждает своего героя за дерзость, а, напротив, сочувствует ему, наделяет его чертами лирического героя.

Таким образом, в произведении Я. Краля проявляются трансформация традиционной сюжетной схемы баллады, устойчивой модели конфликта, новый подход к разработке и авторской оценке характера главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

Janko Kráľ. Súborné dielo. Bratislava. 1959.

Шведова 2002 – *Шведова Н.В.* Теория и практика словацкого романтизма: традиции мировой литературы и славянский фольклор // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 392–400.

Дарья Уланова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавр
Москва, Россия

Роль фольклорных мотивов в формировании образов славянского мира и мира зарубежья в повести Н.Н. Садур «Немец»

Повесть Н.Н. Садур «Немец» (1997) строится на переплетении двух миров: «своего» и «чужого», славянского и зарубежного, немецкого. Данные пространства одновременно противопоставлены и связаны, сменяя друг друга порой так незаметно и плавно, что читатель перестаёт осознавать, где именно в тот или иной момент находится персонаж.

Подробнее в данном докладе я хотела бы рассмотреть образ самого принца-птицы. В русской традиции он носит имя Финиста, его способность к оборотничеству является «даром» персонажа, которым он пользуется по своему усмотрению.

Сюжет сказки имеет устойчивую конструкцию, которая состоит из следующих элементов: получение пера; ранение героя; его поиски; выкуп встреч героини с возлюбленным и свадьба героев. В повести Н.Н. Садур сюжет о Финисте становится предметом переосмысления, направляя и предопределяя параллельное развитие основного («реального») сюжета, разворачивающегося в 1990-е гг. в Москве и Берлине.

Главная героиня предстает перед читателем как многогранный персонаж. Она полна смелости и решимости в поисках любимого, отправляясь за ним в чуждый для себя мир, но при этом добра и доверчива.

Читатель не имеет «объективного» представления о мире, окружающем Александру, восприятию доступны лишь его фрагменты, «выхваченные» взглядом героини, что и позволяет сопоставить и соединить события отдельной жизни и фольклорный сюжет.

Если рассматривать мотив странствия, то и в сказке, и в повести он символизирует испытание. Первая поездка на родину любимого кажется Саше волшебным приключением, в котором всё вокруг ново и прекрасно, то во второй раз «иномир» зарубежья становится холодным и враждебным, создаётся впечатление, что он отторгает героиню, как нечто чуждое и инородное.

В качестве финала в повести Садур читателю предлагается по крайней мере три варианта развязки.

В первом случае героине удаётся разбудить любимого, но их дальнейшая судьба неизвестна.

В следующей концовке, на первый взгляд, сказочный сюжет завершается привычным «долго и счастливо», однако если обратить внимание на упоминание мотива оцепенения, связанного со смертью, то можно предположить неоднозначность данного финала.

Последним из определенно выраженных вариантов развития событий является тот, где героиня сказки оказывается нездоровым человеком, не понимающим подлинного значения происходящего с ней.

В сюжете повести также присутствует небольшие «зарисовки» о пути неизвестного монашка. Его облик неизменен и непримечателен, однако в финале он меняется, воспроизводя увечья, что получила героиня, вызволяя любимого. Это явное сходство заставляет задуматься о том, что, возможно, именно судьба монашка – отверженного, одинокого, но при этом несущего в себе свет, – уготована Саше.

В движении монашка заключается торжество света над тьмой, однако оно весьма хрупко и непостоянно. Это напоминает нам о неотвратимости смерти и конечности бытия. Но пока герой «забавляется», держит пёрышко рядом с собой, давая ему возможность полёта, некую иллюзию свободы.

Несмотря на то, что «свой» мир, благодаря образу монашка, дает надежду на приобщение к подлинному свету, даже в этом мире сказка остается мечтой; соприкасаясь с реальностью, она неизбежно оборачивается кошмаром или трагедией.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольская В.Е. Сказка «Финист Ясный Сокол» (СУС 432) в русской фольклорной традиции и авторской литературе // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 113–127.

Трыкова О.Ю. Роль сказки в отечественной прозе конца XX века (на примере романа Н. Садур «Немец») // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 2. С. 19–22.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Пёрышко Финиста ясна сокола: [Сказка] № 234 // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 2. 1985. С. 190–193.

Мария Василенко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Wyznaniowe i społeczne aspekty powstania pod kierownictwem Bohdana Chmielnickiego (1648–1654)

Przedmiotem moich badań stały się społeczne i wyznaniowe aspekty powstania Bohdana Chmielnickiego. Problem badawczy, który próbuję rozwiązać, można sformułować w następujący sposób: jak w działalności powstańców korelowały motywy wyznaniowe i nie-wyznaniowe. To, co w tym przypadku rozumiemy przez "motywy nie-wyznaniowe" historiografia krajowa i polska głównie rozumieją jako protest społeczny lub społeczno-ekonomiczny. Jednak ukraińska historiografia narodowa implikuje istnienie narodowego aspektu powstania. Należy od razu zastrzec, że nie możemy się z tym zgodzić w tej sprawie. Z pewnymi zastrzeżeniami można dyskutować tylko o przyspieszeniu procesów kształtowania się ukraińskiej tożsamości narodowej w tym okresie, ale mówić o tym, że stało się to trwałym elementem mentalności uczestników powstania, nawet do czasu jego zakończenia, moim zdaniem przedwcześnie, jest to nieuzasadnione i pochopne.

Głównym źródłem moich badań były tzw. wypowiedzi pytające, czyli dokumenty uzyskane podczas przesłuchań przekraczających granicę z Rosją mieszkańców Rzeczypospolitej Wschodniej. Oprócz tego korzystałam z publikacji dokumentów Bohdana Chmielnickiego, takich jak apele, korespondencja dyplomatyczna, listy do klasztorów i świątyń. Również jako materiał do badań posłużyły oficjalne korespondencje najwyższych urzędów Rzeczypospolitej, zapiski sejmowe i dokumenty osobiste szeregowych szlachciców.

Specyfika wybranych przeze mnie źródeł pozwala zobaczyć obraz powstania oczami jego zwykłych uczestników i prześledzić, jak oficjalne stanowisko przywódców tej walki różniło się od tego, jak rozumieli ją zwykli powstańcy i mieszczanie. Zrozumienie celu powstania różni się nie tylko w różnych okresach czasu, ale także w różnych grupach społecznych i wyznaniowych jego uczestników. Chmielnicki, który początkowo liczył tylko na przywrócenie sprawiedliwości dla siebie i Kozaków, którzy znaleźli się w podobnej sytuacji, z czasem zdaje sobie sprawę, że jest w stanie osiągnąć znacznie więcej i przenosi swoje główne aspiracje z obszaru społecznego na obszar wyznaniowy.

Swoistą ideologią tego konfliktu jest to, że chociaż powstaje w otoczeniu przywódcy, tak naprawdę nie jest jego produktem. Ideologia jest już w dużej mierze ukształtowana w umysłach kozaków, zaczynają myśleć o sobie jako o obrońcach wiary znacznie wcześniej, niż Hetman zaczyna o tym mówić w swoich proklamacjach, a tym bardziej wcześniej zaczynają mówić o pragnieniu

swobodnego wyznawania prawosławia, niż sam Chmielnicki zaczyna tego wymagać od króla. Ideologia powstania wznosi się od dołu do góry ze środowiska kozackiego, jest postrzegana przez otoczenie Chmielnickiego, wyrażana w apelach i staje się własnością mieszkańców ziem ukraińskich i białoruskich. Zrozumienie potrzeby walki o prawosławie w szerokich masach ludowych było również początkowo obecne, tak że z naszego punktu widzenia Chmielnickiego nie można uznać za katalizator konfliktu na dużą skalę, jest on tylko latarnią morską, do której ludzie, którzy od dawna chcieli dołączyć się do tej walki, spieszyli się.

Katalizatorem konfliktu jest zjednoczenie mas ludowych, które stało się możliwe dzięki długotrwałym uciskom prawosławnych ze strony unitów i katolickiej szlachty. Jednak nawet w obliczu pełnego konfliktu szlachta nadal się upiera i nie chce ustępować żądaniom Chmielnickiego. Uważamy, że dopuszczalne jest założenie, że jednym z możliwych wyjaśnień ich niechęci do zejścia z wybranych pozycji jest to, że uważali Unię za wystarczający kompromis, a dalsze ustępstwa wobec prawosławnych, ich zdaniem, mogły ostatecznie podważyć ich autorytet.

Staranne rozpatrzenie dokumentów szlacheckich i dokumentów Bohdana Chmielnickiego doprowadziło mnie do przekonania, że przez długi czas uważali ten konflikt, jeśli nie w całości, to głównie za konflikt społeczny i polityczny. Polityka zagraniczna Chmielnickiego przez cały okres powstania nie miała nic wspólnego z ideologią i była kształtowana wyłącznie ze względów politycznych. Jednocześnie dla Kozaków najważniejszą kwestią w wyborze sojuszników była ich przynależność wyznaniowa. Gotowi byli pogodzić się z faktem, że Rosja nie zapewnia im pomocy wojskowej, ponieważ Rosja jest państwem prawosławnym.

Walka społeczna i społeczno-ekonomiczna jako taka praktycznie nie jest charakterystyczna dla powstania Bohdana Chmielnickiego. Ma przyczynę wyznaniową od samego początku lub w trakcie rozwoju konfliktu nabiera cech wyznaniowych.

Podsumowując, możemy powiedzieć, że praca z pytającymi przemówieniami nie pozostawia nam wątpliwości, że dla zwykłych uczestników powstanie jest kolejną rundą walki o prawa prawosławnych na terytorium Rzeczypospolitej, podczas gdy protesty mają charakter społeczny i religijny, ten ostatni z pewnością przeważa. Jednocześnie dla przywódców powstania bardziej istotna jest właśnie walka społeczna, przy tym autorytet wojska kozackiego jest tak silny, że wpływa na ideologię powstania i najważniejsze decyzje polityczne Chmielnickiego.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссією. 1633–1699. Т. 5. СПб., 1853.

2. Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук под редакцией Н.А. Попова, члена-корреспондента Академии. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб., 1894.
3. Документи Богдана Хмельницького / Упор. І.Крип'якевич. К.: Вид-во Академії наук УРСР, 1961.
4. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654. Киев. 1965.
5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 2. 1648–1651. М.: АН СССР, 1953.
6. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. 1651–1654. М.: АН СССР, 1953.
7. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Часть I. Источники времен гетманства Б.М. Хмельницкого / Под ред. Заборовского Л.В. М., 1998.
8. Плохий С.Н. Борьба украинского народа с католической экспансией (XVI–XVII вв.). Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей ист. фак., науч. работников. Днепропетровск: ДГУ, 1987.
9. Плохий С.Н. Папство и Украина. Политика римской курии на украинских землях в XVI–XVII вв.. К.: Вища школа, 1989.
10. Замлинский В.А. Богдан Хмельницкий. М.: Мол. гвардия, 1989.

Иван Фадеев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Polski nacjonalizm w drugiej połowie 18 wieku

Aktualność wybranego tematu wiąże się z tym, że większość historyków widzi początki nacjonalizmu polskiego w 19 wieku i ignoruje cały szereg przykładów pochodzących z 18 wieku. W swojej pracy korzystam z metodologii i dziedzictwa strukturalistów francuskich, w szczególności Michela Foucaulta i Rolanda Barthesa.

Celem mojej pracy jest ustalenie przyczyn szerzenia się ideologii nacjonalistycznej wśród polskiej szlachty i innej ludności polskiej w drugiej połowie 18 wieku. Z tego wynika szereg zadań, z których pierwsze polega na zrekonstruowaniu mechanizmu szerzenia się nacjonalizmu wśród Polaków. Drugim zadaniem jest zbadanie tego, jakie znaczenie miały wyrazy «naród»,

«Ojczyzna» i «pospólstwo» dla Polaków w tamtych czasach. Trzecim zadaniem jest ogólna analiza sytuacji politycznej w Rzeczypospolitej 18 stulecia.

Ideologia nacjonalizmu nie była rozpowszechniona w Polsce przed drugą połową 18 wieku. Większość ludności Rzeczypospolitej nie uczestniczyła wtedy w życiu politycznym. Ideologia szlachty polskiej tamtej epoki znana jest jako «Sarmatyzm». Twierdziła ona, że szlachta pochodziła od starożytnych Sarmatów i miała prawo do wyłącznej władzy nad całą Polską.

Część pracy poświęcona jest analizie postaw inteligencji i duchownych. Możemy znaleźć pierwsze ślady nacjonalizmu w dziełach Stanisława Staszica i Hugona Kołłątaja. To byli znani publicyści Polskiego Oświecenia, zwolennicy ideałów Jean-Jacquesa Rousseau i Mably. Byli pierwsi, którzy teoretycznie udowodnili prawo narodu Rzeczypospolitej do zarządzania swoim krajem [Walicki 2000: 91–96]. «Naród», jak oni pisali, łączył w sobie wszystkich mieszkańców państwa, nie tylko szlachtę. Pomysł ten później został uznany przez innych filozofów końca 18 wieku (Franciszek Salezy Jezierski, Franciszek Ksawery Dmochowski i inni).

W drugiej zaś części swoich badań opisuję postawy szlachty. Oprócz filozofii, źródłem szerzenia się nacjonalizmu była literatura piękna. Książki takich autorów jak Ignacy Krasicki i wiersze takich poetów jak Tomasz Kajetan Węgierski propagowały nowe wartości i ideały. Obejmowało to i nowe wartości filozoficzne: koncepcje narodu i patriotyzmu. Wpływ tych conceptów na szlachtę był olbrzymi. Już na Wielkim Sejmie większość delegatów mówiła o przyszłości Rzeczypospolitej po nowemu. Głównym ich pomysłem była świadomość narodu polskiego jak ciała politycznego całego kraju.

Badam i opisuję też postawy reszty ludności polskiej w czasie insurekcji kościuszkowskiej. Uważam że insurekcja była powstaniem nacjonalistycznym – idee nacjonalistyczne głosili jej przywódcy. Niewykształcone masy ludności nie mogły tego zrozumieć. Takie koncepcje po prostu nie były im bliskie. Jednak retoryka nacjonalistyczna stała się narzędziem propagandy – właśnie przy pomocy haseł nacjonalistycznych szlachta próbowała porwać masy ludowe do działań wojennych [Woltanowski 1996: 145–146].

W ten sposób, już pod koniec 18 wieku, nacjonalizm jako ideologia obejmował wszystkie wykształcone warstwy społeczeństwa polskiego – to znaczy szlachtę, mieszczaństwo, inteligencję i część pozostałych mieszkańców.

LITERATURA

Walicki 2000 – *Walicki A.* Idea narodu w polskiej myśli oświeceniowej. Warszawa, 2000.

Woltanowski 1996 – *Woltanowski A.* Nieznana poezja litewska powstania kościuszkowskiego // *Studia Podlaskie* T. 6. Białystok, 1996.

Иван Бабоша

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Kierunek panslawistyczny polskiej emigracji z lat 1830–1840-tych w opcji Trzeciego Oddziału

Referat poświęcony jest analizie panslawistycznego kierunku Wielkiej Emigracji lat 1830–1840-tych w raportach agentów III Oddziału Kancelarii Osobistej Jego Cesarskiej Mości – tajnej policji Imperium Rosyjskiego.

Wielka Emigracja, czyli polskie wychodźstwo, które wyłoniło się po klęsce Powstania Listopadowego w 1831 r., od razu stała się przedmiotem nadzoru wywiadu rosyjskiego. Uwadze carskich agentów nie uszedł podział polskiej emigracji na różne ugrupowania, wśród których m.in. wyodrębnił się nurt panslawistyczny.

Panslawizm w polskim dyskursie często kojarzy się z ambicjami imperialnymi Rosji, polegającymi na podporządkowaniu caratowi wszystkich narodów słowiańskich. Kiedy więc mówi się o panslawizmie polskim, chodzi nie tyle o ideę zjednoczenia wszystkich Słowian, ile o orientację prorosyjską, począwszy od projektów politycznego kompromisu między Polską a Rosją, a skończywszy na pomysłach kompletnej likwidacji tożsamości polskiej na rzecz tożsamości słowiańskiej w ramach ogólnosłowiańskiej federacji na czele z Rosją. Polscy panslawiści stanowili wyraźny, aczkolwiek niewielki prąd w życiu intelektualnym Wielkiej Emigracji [Kuk 1996: 171–231].

Z takiej charakterystyki mogłoby wynikać, iż polski panslawizm mógł stać się naturalnym sojusznikiem caratu w walce z pozostałą, bezkompromisową i antyrosyjską częścią emigracji. Niemniej jednak carski wywiad nigdy nie skorzystał z sojuszniczego, ugodowego potencjału panslawistów. W związku z tym warto przyjrzeć się kilku przykładom z raportów tajnej policji.

W corocznym raporcie III Oddziału z 1845 r. towarzystwo Andrzeja Towiańskiego (znanego mistyka chrześcijańskiego, którego zwolennikami przez jakiś czas byli m.in. Adam Mickiewicz i Juliusz Słowacki) zostało określone jako „seкта polityczno-religijna”, a sam przywódca religijny, według danych wywiadu, szukał „szaleńców, oddających siebie w dożywotnią niewolę dla ślepego i bezwarunkowego spełniania jego życzeń”. Lecz co najważniejsze, w tym raporcie podkreślano, iż to towarzystwo, „zbliżając się **z tak zwanym panslawizmem** [kursywa moja – I.B.], nie żywi wobec Rosji takiej nieprzejeđnanej wrogości, jak inne”. Tam też stwierdza się, że grupę Towiańskiego z powodu rzekomych sympatii prorosyjskich zewsząd wyrzucano i że ta sekta „zaczęła się zmniejszać oraz skupiła na sobie wszystkie kpiny mimo wszelkich starań Mickiewicza...” [Россия под надзором 2006: 365].

Znamienne jest, iż gdy polscy panslawiści proponowali wspólne kroki samodzierżawiu, carscy wywiadowcy pozostawali wobec nich sceptyczni. Otóż na przykład Jakub Tołstoj, rosyjski rezydent Trzeciego Oddziału w Paryżu, pisał w doniesieniu z 13 stycznia 1843 r. do swojego szefa A. Benckendorffa, że doń się zwrócił polski hrabia Wincenty Jabłonowski z propozycją założenia panslawistycznego czasopisma, które by się zajmowało „dyskusją o interesach Słowian”. Rosyjski agent zrezygnował z tej propozycji nie tylko z powodów finansowych, lecz również, co ważniejsze, z powodów merytorycznych. Projekt polskiego hrabiego Tołstoj określił jako „po prostu utopię stworzoną przez namiętną wyobraźnię Polaków” (franc. „Le projet de M. Jabłonowski n’est donc qu’une utopie créé par l’imagination ardente des Polonais”) [Донесение Я.Н. Толстого 1843: Л. 18].

Powyższe przykłady wyraźnie wskazują, że carat za Mikołaja I (lata 1825–1855) nie uznawał panslawizmu za bliską sobie ideologię, mimo iż ten kierunek myśli odznaczał się zasadniczo pozytywnym nastawieniem wobec Rosji. Zauważmy, że panslawizm zakładał m.in. wyzwolenie wszystkich Słowian spod władzy imperiów Austriackiego i Osmańskiego. Takie rozwiązanie oznaczałoby zakwestionowanie monarchistycznego status quo w Europie Środkowej i Południowo-Wschodniej, którego żarliwą obrończynią była Rosja Mikołaja I.

Reasumując, panslawizm polski wydawał się Trzeciemu Oddziałowi wątpliwą ideologią polityczną, nie zaś potencjalnym sprzymierzeńcem.

LITERATURA

Kuk 1996 – *Kuk L.* Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996.

Донесение Я.Н. Толстого 1843 – Донесение Я.Н. Толстого от 1/13 января 1843 г. // ГАРФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 195. Л. 18.

Россия под надзором 2006 – Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М., 2006.

Илья Ерофеев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Problem polonizacji na początku XIX wieku w rosyjskiej historiografii przełomu XIX–XX wieku

Referat poświęcony jest historiografii rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku w pracach nt. Wileńskiego Okręgu Szkolnego. Po powstaniu styczniowym sporo kwestii, związanych z problematyką polską nabrało wagi politycznej. Zwrócono uwagę na negatywne aspekty stosunków polsko-rosyjskich i polityki narodowościowej na ziemiach polskich.

Polityczne aspekty tej problematyki znalazły swoje odbicie w książce O. Kryżanowskiego „Dziedzina edukacyjno-oświatowa w Polsce w przeddzień ostatniej reformy Uniwersytetu Wileńskiego (1803 r.) i najważniejsi działacze okresu po reformie przez wzgląd na ich korespondencję”, wydanej w 1899 r. Ta publikacja stanowiła część serii publikacji Ministerstwa Oświaty. Ww. publikacja jest tematycznym zbiorem korespondencji polskich osób publicznych początku XIX wieku. Listy i inne dokumenty zostały dobrane w taki sposób, by zaprezentować wszystkie strony życia polskich oświeceniowców. W pierwszej części książki O. Kryżanowski dokonuje analizy zawartych w książce dokumentów. Oskarża w niej Czartoryskiego, Czackiego i innych działaczy o zamiary polonizacyjne. Dawne ziemie Rzeczypospolitej występują w jego komentarzach jako pierwotnie rosyjskie, z przewagą ludności rosyjskojęzycznej, które na początku XIX wieku znalazły się pod polskim panowaniem.

O. Kryżanowski w swojej pracy podkreśla czynnik polonizacji ziem zachodniej Rosji. Polskich intelektualistów określa jako fanatyków, którzy prowadzą wrogie działania wobec Rosji.

Omawiany zbiór dokumentów ma charakter głównie perswazyjny. Wiele listów zostało zaprezentowanych już przedtem w postaci skróconej bądź fragmentarycznej. Dokumenty owe nie da się określić jako nowe czy też unikalne: od dawna bowiem publikowano je w języku polskim, w książce zaś O. Kryżanowskiego zostały one udostępnione czytelnikowi rosyjskiemu.

Na początku XX wieku obchodzono 100-letnią rocznicę Ministerstwa Oświaty i Wileńskiego Okręgu Szkolnego. Na obchody tej rocznicy przypadła publikacja prac badaczy N. Ado, M. Wierżbołowicza, I. Glebova, P. Goryuchi, Y. Krachkowskiego, M. Sazonova, A. Pogodina. Autorzy ci byli w przeważającej części rzecznikami oficjalnej ideologii i występowali z oceną ziem zachodnio-rosyjskich jako wyłącznie rosyjskiego obszaru kulturowego, niemniej jednak w tych pracach podjęto próbę uogólnienia analiz i scharakteryzowania systemu edukacji.

Warto tu wspomnieć też o niektórych rosyjskich historykach początku XX wieku. Na przykład A.W. Bielecki jako jeden z pierwszych przeprowadził obszerne badanie placówek edukacyjnych pod kontrolą jezuitów, pijarów i innych zakonów. Ponadto w swoich pracach starał się pokazać istotę i skutki reform przeprowadzonych przez Komisję Edukacji Narodowej. W pracach Bieleckiego przebadane zostały kwestie organizacyjne dot. małych szkół ludowych i domowych. Historyk wykorzystał wiele źródeł dotyczących Wileńskiego Okręgu Szkolnego, dokonując uogólnień jego historii. S.W. Rozdiestwienski, który w swojej rozprawie dot. działalności Ministerstwa Oświaty zwrócił uwagę na problemy reformy szkolnictwa na początku XIX wieku.

Reasumując, można stwierdzić, iż na przełomie stuleci uaktywniły się prace naukowców nad historią Wileńskiego Okręgu Szkolnego. Wynikało to z dwóch przyczyn. Po pierwsze, impulsem do dyskusji stały się obchody 100-

letniej rocznicy Ministerstwa Oświaty oraz Wileńskiego Okręgu Szkolnego. Po drugie, polityka narodowościowa Imperium Rosyjskiego w tym okresie zaczęła nabierać charakteru rusyfikacyjnego, co znalazło wyraz w odpowiednich publikacjach.

LITERATURA

1. Крыжановский О. Учебно-просветительское дело в Польше накануне последней реформы Виленского университета (1803 г.) и главные деятели пореформенного периода в их переписке. СПб., 1899.

2. Белецкий А.В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 гг. Вильно, 1903.

3. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902.

Александр Пшеничный

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Tożsamość słowiańska metropolity Andrzeja Szeptyckiego

Referat jest poświęcony tożsamości greckokatolickiego metropolity lwowskiego Andrzeja Szeptyckiego (1865–1944). W osobowości metropolity Andrzeja najbardziej charakterystyczną cechą jest jego samoświadomość (tożsamość) konfesyjna, którą można określić jako protoekumeniczną, oraz tożsamość narodowościowa (polsko – ruska/ukraińska). Aczkolwiek oprócz tych podstawowych cech występowały też inne elementy jego tożsamości, m.in. ogólnosłowiańskie.

Tożsamość słowiańska XIX w. Jest pojęciem raczej trudnym do określenia. Z jednej strony trudno ją nazwać narodową, choć czasem używano porównań podzielonych politycznie Słowian z Niemcami i Włochami [Записки Михаила Чайковского 1898: 181]. Z drugiej strony jest to pojęcie o wiele szersze, niż pojęcie wspólnoty językowej w sensie językoznawczym, jak np. romańska czy germańska. Stąd analiza tożsamości słowiańskiej metropolity Andrzeja Szeptyckiego wydaje się ważna dla zrozumienia cech tożsamości słowiańskiej w sensie ogólnym w XIX – początku XX w.

W latach studenckich Roman (imię świeckie przyszłego metropolity) Szeptycki znajdował się w otoczeniu przejawów słowiańskiej tożsamości dwóch rodzajów:

1) ruch w kościele katolickim nawiązujący do tradycji Cyryla i Metodego i zmierzający do nawrócenia wszystkich Słowian na katolicyzm.

2) ruch słowiański w imperium austro-węgierskim i cesarstwie niemieckim w obronie praw ludów słowiańskich w obliczu rozwoju nacjonalizmu niemieckiego.

Początkowo za cel swojej działalności w kościele greckokatolickim Andrzej Szeptycki uważał pracę misyjną. Obiektem misji miał być Wschód (sensu stricto i sensu largo). Lecz wypowiedano też zdanie, iż zadaniem Andrzeja Szeptyckiego było nawracanie Słowian na katolicyzm [Митрополит Андрей Шептицький 2004: 234].

Wydarzeniami, sprzyjającymi rozwojowi i urzeczywistnieniu słowiańskiej tożsamości były Kongresy Welehradzkie, które odbywały się w latach 1907, 1909, 1911, 1924, 1927, 1932 i 1936 w starożytnym morawskim mieście, tradycyjnie kojarzonym z apostołami słowiańskimi. Metropolita Andrzej przewodniczył dwóm pierwszym kongresom. W swoim przemówieniu wezwał do pracy na rzecz solidarności narodów słowiańskich [Studentská Hlídka 1909: 127].

Zabierając głos na II Kongresie Welehradzkim na temat celów i zasad kongresów welehradzkich w 1909 r., metropolita Andrzej scharakteryzował ich uczestników jako promotorów idei Cyryla i Metodego. Podkreślił zarazem, iż Kongres nie stawia sobie za cel szerzenia idei panslawizmu i że jest to forum o charakterze wyłącznie religijnym – mimo iż przytłaczającą większość uczestników Kongresu stanowią Słowianie. Metropolita Szeptycki stwierdzał w charakterze usprawiedliwienia: „Przecież to nie nasza wina, że sprawa zjednoczenia kościoła wschodniego z kościołem zachodnim stała się niejako dziełem Słowian”. Odpowiadając na zarzuty, że celem wspólnej pracy jest polityczne i narodowe dzieło zbliżenia Słowian, metropolita nawoływał do tego, by „nie mieszać kwestii politycznych ze świętą sprawą powszechną wiary, sprawą jedności kościołów!” [Митрополит Андрей Шептицький 2004: 321]

Obrządek grecki i nabożeństwo słowiańskie (w języku cerkiewnosłowiańskim) były postrzegane przez metropolitę Andrzeja jako ważne

składniki wschodniej istoty Galicyjskiego Kościoła Greckokatolickiego [Митрополит Андрей Шептицький 2004: 37]. Z kolei w charakterze części składowych chrześcijańskiego Wschodu widział Wschód grecki oraz Wschód słowiański. Jednocześnie podkreślał swój wyjątkowy status: był bowiem jedynym katolickim arcybiskupem obrządku grecko-słowiańskiego.

LITERATURA

Записки Михаила Чайковского 1898 — Записки Михаила Чайковского // Русская старина. 1898. № 4.

Митрополит Андрей Шептицький 2004 — Митрополит Андрей Шептицький: Життя і Діяльність. Документи і Матеріали, 1899–1944. Т. 3. Митрополит Андрей Шептицький і греко-католики в Росії. Кн. 1. Документи і матеріали, 1899–1917 / Ред. Ю. Аввакумов. Львів, 2004.

Studentská Hlídka 1909 — Studentská Hlídka. N. 7. 1909.

Карина Колихова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Rokowania polsko-radzieckie w sprawie preliminarzów zawieszenia broni i wstępnych warunków pokoju w Rydze: Wrzesień-Październik 1920 roku

Choć okres życia Traktatu ryskiego okazał się krótki – do wybuchu II wojny światowej, miał on wielkie znaczenie dla krajów Europy Wschodniej. Rozwiązanie bloku wschodniego po 1989 r. stworzyło podstawy do innego spojrzenia na Traktat ryski. Obecne zainteresowanie problemem jego ówczesnych uwarunkowań wiąże się z nasileniem się napięć międzynarodowych pomiędzy Rosją a jej najbliższymi zachodnimi sąsiadami oraz koniecznością sięgnięcia do wspólnej przeszłości historycznej w celu rzucenia światła na problemy współczesności.

19 września 1920 r. rozpoczęła się nowa polska ofensywa na całym froncie, zmuszająca Armię Czerwoną do szybkiego odwrotu. Niekorzystna sytuacja rozwinęła się również na froncie południowym. W tych okolicznościach przywództwo radzieckie było bardzo zainteresowane zakończeniem wojny z Polską, co znacznie uprościłoby zadanie pokonania Wrangla przed zimą i zakończenia wojny domowej w europejskiej części Rosji.

Główną przeszkodą, z którą zetknęły się obie delegacje w poszukiwaniu kompromisu był problem ustalenia granicy państwowej [Польско-советская война: 67]. Delegacja radziecka zgodziła się na linię graniczną zaproponowaną przez szefa delegacji polskiej Jana Dąbskiego, w tym na korytarz pomiędzy terytorium Rosji Radzieckiej a Litwą [Dąbski 1931: 118]. Była to mniej korzystna granica niż zawarta w rosyjsko-ukraińskim projekcie Traktatu preliminaryjnego,

представленным przez szefa delegacji radzieckiej Adolfa Joffe [Idem: 93]. Była też znacznie mniej korzystna niż «linia Curzona», zgodnie z którą Rosja Radziecka mogła uzyskać nawet Galicję Wschodnią [Ленин 2017: 371]. Z tego punktu widzenia Polska okazała się oczywistym zwycięzcą. To tłumaczy obecność w radzieckim rządzie znacznej liczby osób niezadowolonych z tak dużych ustępstw wobec Polski [Ольшанский 1969: 145]. Jeśli jednak spojrzeć bliżej na kontekst wydarzeń, rzecz nie będzie wyglądała w sposób tak jednoznaczny. Polska otrzymała znacznie mniejsze terytoria, niż te, na które liczyła i dla których przystąpiła do wojny [Польша в XX веке: 124–125]. Została też zmuszona do porzucenia koncepcji budowy przyjaznych państw buforowych i poświęcenia ambicji politycznych na rzecz kompromisowego porozumienia z przeciwnikiem. Ponadto uznała prawo do istnienia radzieckiej Białorusi i radzieckiej Ukrainy, które w oczywisty sposób były satelitami rządu radzieckiego mimo zapewnień Joffe o ich niezależności i suwerenności [РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 39. Л. 108–119]. Było to wielkie zwycięstwo dyplomatyczne delegacji radzieckiej. Drugim takim zwycięstwem był fakt, że po zawarciu z rządem Rosji oficjalnego Traktatu na szczecblu państwowym Polska wyraziła tu faktyczną zgodę na władzę radziecką w Rosji. Biorąc pod uwagę praktycznie całkowitą izolację Rosji na arenie światowej, był to ważny krok w kierunku nawiązania stosunków dyplomatycznych Rosji Radzieckiej z innymi państwami. Najbardziej zaś znaczącym sukcesem dla Rosji Radzieckiej było faktyczne zawieszenie działań wojennych na froncie zachodnim [Там же]. Dla rządu radzieckiego sprawą najwyższej wagi było wówczas wyeliminowanie zagrożenia ze strony Wrangla.

Te osiągnięcia stały się możliwe dzięki wybranej przez Joffe taktyce przedstawiania warunków niedopuszczalnych dla Polski [Польско-советская война: 66], przeistoczenia postępowania negocjacyjnego w poufne obrady [Dąbski 1931: 91], stopniowania ustępstw w kwestii terytorialnej [РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 9]. Taki sposób działania, który pobudził polską stronę do aktywnego uczestnictwa, nie zawsze był zgodny z instrukcjami z Moskwy, lecz pozwolił delegacji radzieckiej zachować możliwość manewru dyplomatycznego oraz przyczynić się w ten sposób do przyspieszenia procesu zwołania konferencji pokojowej zgodnie z dezyderatami radzieckiego przywództwa.

LITERATURA

Dąbski 1931 – *Dąbski J.* Pokój Ryski. Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy. Warszawa, 1931.

Ленин 2017 – *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000.

Ольшанский 1969 – *Ольшанский П.Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М., 1969.

Польско-советская война – Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 2. М., 1994.

Польша в XX веке – Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 39. Л. 108–119.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 9.

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Анна Рогачева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Неколико редова Которског понтификала у контексту црквене историје Котора у 12. веку

Важан фактор у развоју далматинске цркве било је проширење бенедиктинског утицаја. Бенедиктинци основали су читаву мрежу манастира у јужној Италији. Одавде су вршили свој утицај на Далмацију, наиме на традиције богослужења. Проширили су и посебно писмо названо беневентана, којим су записани италијански кодекси. Понтификал умногоме прати главне токове ових бенедиктинских традиција.

Сврха истраживања је да откријем како се Которски понтификал уклапа у контекст црквене историје Котора у 12. веку. Да би се тај циљ постигао, требало је да се на основу историографских података сазна како су бенедиктинци стигли до Далмације, како се беневентанско писмо развијало у Италији и Далмацији; да се размотре степен утицаја јужне Италије на регион, као и особености црквене структуре которске епископије. Требало је окренути се которској хагиографској традицији и изградњи цркве св. Трипуна, за коју је највероватније сачињен овај понтификал.

Предмет истраживања био је Которски понтификал, који је део рукописа, који такође укључује лекционар, две збирке проповеди, као и дипломе и статуте. Претпоставља се да су Лекционар и понтификал састављени у 12. веку.

До 18. века рукопис се налазио у Котору [Гогих: 2]. Сада се чува у Санкт Петербургу. 2016. године транскрипција рукописа објављена је у монографији Ричарда Гјуга „Литургија и право у далматинском граду“ [Gyug 2016: 263–571].

Бавила сам се упоређењем редова Которског понтификала са одговарајућим редовима из објављених рукописа романско-германске традиције, беневентанског понтификала и дубровачког понтификала. То поређење је потврдило да је Которски понтификал, чији ранији редови садрже многе елементе из понтификала беневентанског круга јужне Италије, синтеза неколико варијанти литургијске традиције. Основа свих редова била је романо-германска пракса, коју су допуњавали беневентански, монтекасински и далматински елементи. Аутори Которског понтификала имали су на располагању рукописе, укључујући беневентанске и монтекасинске, уз помоћ којих су састављени редови которског рукописа.

Не би било претеривањем рећи да је Которски понтификал служио као модел за синтезу литургијских пракси и у великој мери формирао локалну далматинску традицију. С тим у вези, период стварања понтификала јесте значајан пошто су у то време постављени темељи за касније литургијске текстове коришћене у Далмацији. Наиме Которски понтификал је у знатној мери утицао на литургијску традицију у Далмацији. Многе особине Которског понтификала сачуване су у дубровачком понтификалу.

Овај рад је покушај да се издвоје најважније црте које говоре о пореклу Которског понтификала, његовој припаданости одређеној литургијској традицији и накнадном утицају на далматинску црквену праксу. То је својеврсни увод у даље детаљно проучавање текста понтификала кроз упоредну анализу понтификалних текстова насталих пре 12. века и далматинских понтификала каснијег периода у циљу да се идентификују заједничке и посебне карактеристике у далматинском богослужењу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гогих М.М. Политичко и друштвено уређење Котора у другој половини XII и XIII вијеку. Докторска дисертација. Београд, 2018.
2. Gyug R.F. A Pontifical of Benevento (Macerata, Biblioteca Comunale Mozzi-Borgetti' 378) // Mediaeval Studies. 1989. № 51.1. P. 355–423.
3. Gyug R.F. Liturgy and Law in a Dalmatian City. The Bishop's Book of Kotor (Sankt-Peterburg, BRAN, F. no. 200). Toronto, 2016.
4. Vogel C., Elze R. Le pontifical romano-germanique du Xe siècle. Città del Vaticano, 1963.

Дарья Антипина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Взаимоотношения России и Черногории в первой трети XIX в.

В первые десятилетия XIX в. происходит живой процесс взаимодействия между Российской империей и балканской страной Черногорией. Небольшое будущее княжество активно участвовало в военных действиях России в этом регионе. Судить о политических контактах можно по переписке ответственных за данный регион лиц, большая часть которой была засекречена по политическим причинам вплоть до последних десятилетий XX в.

Отношения зародились еще в XVIII в. и были обусловлены необходимостью противостоять османской Турции. В начале XIX в. страны

стали союзниками также в борьбе против Наполеона, стремящегося завладеть и Российской империей, и Балканским полуостровом.

После победы под Аустерлицем в декабре 1805 г. и признания за Наполеоном контроля над Далмацией и Которским заливом, объединенные силы черногорцев и эскадра адмирала Д.Н. Сенявина стали той силой, которая освобождала залив Бока Которска от французской оккупации. Последующие действия объединенных черногорско-российских войск также были успешными: черногорский правитель Петр Негош предпринял активные действия и весной 1806 г. совместно с отрядом русских моряков разбил французские войска в битве около Цавтата, а 13 сентября дал бой французской армии в районе Герцег-Нови. Отмечается, что Бока (место активных боев) оказалась чуть ли не единственным местом в Европе, где Наполеон потерпел поражение [Бычков 2004: 63].

Поддержка Черногории российской стороной субсидиями в первой трети XIX в. происходила с постоянными перерывами: в период с 1807 по 1825 гг. денежная помощь в Черногорию не отправлялась. Эти деньги компенсируются черногорцам после окончания русско-турецкой войны [Политические и культурные отношения: 339].

Со временем происходил рост субсидий: в 1838 г. Черногория получала ежегодно 8 тыс. червонцев из российской казны. Данная сумма в 10 раз превышает ту, которая предназначалась ей в начале XIX в.

Бедственное положение черногорского народа заставляло Петра Негоша регулярно обращаться к Александру I с просьбами о вступлении под покровительство Российской империи. Эти просьбы объясняются и ростом патриотических настроений в Черногории.

Развитием предложения о переходе Черногории под покровительство России является проект создания славяно-сербского государства под протекторатом Александра I, предложенный в письме от февраля 1814 г. постоянным секретарем Петра I Петровича Негоша В. Владевичем. [Политические и культурные отношения: 81].

Есть основания предполагать, что все меры, предпринятые представителями властей Черногории, являются результатом настолько слабого состояния экономики, что было сложно представить себе иные варианты, способные спасти страну, кроме перехода под покровительство более сильного государства.

В начале XIX в. наблюдается еще большее сплочение двух стран, даже не имеющих общей границы, но заинтересованных в сотрудничестве друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

Бычков 2004 – *Бычков Ю.Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Очерк истории Черногории и российско-черногорских отношений. М.: Декоративное искусство, 2004.

Политические и культурные отношения – Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. М., 1997.

Виноградов В.Н. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997.

Распоповић Р.Р. Россия и Балканы в течение последних 300 лет. Русија и Балкан током посљедња три стољећа. Подгорица / Москва, 2012.

Распоповић Р.М. Црна Гора и Русија. Огледи и есели., Београд – Подгорица, 2005.

Черногорско-русские отношения 1711–1918 гг. Русские архивные документы о Черногории (Конец XVII в. – середина XIX в.). Подгорица-Москва, 1992. Т. 1.

Дмитрий Мищаненко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Сербский банат и восстание Дьёрдя Дожи

Доклад представляет собой анализ реакции населения Сербского баната на венгерское восстание во главе с Дьёрдем Дожей 1514 г. Материалом послужили источники, представленные в сборнике «Венгерская деревня конца XV – середины XVI века и Крестьянская война 1514 года». Я опирался также на исследования Татьяны Павловны Гусаровой и Владимира Павловича Шушарина.

В 1514 г. в Венгерском королевстве шла подготовка к Крестовому походу против турок-магометан, организатором которого являлся папа римский Лев X. На фоне общего равнодушия венгерских властей к организации Крестового похода в лагере рядом с Пештом крестьяне и жители аграрных городов объявляют восстание против феодалов, мешающих святому делу. Они провозглашают своим вождём Дьёрдя Дожу, который возглавлял крестоносное войско по решению короля Уласло II. Их примеру последовали крестьяне из других лагерей на территории всей страны, и в течение месяца всю Венгрию охватит пожар Крестьянской войны.

Пока на всей территории Венгрии разгоралось пламя Крестьянской войны, национальные окраины в основном поддерживали короля Уласло II.

Король призывает дворян объединяться с отрядами крупных магнатов, а также требует прислать воинов из Чехии, Хорватии, Боснии и Сербии.

Дьёрдь Дожа обращается к Анталу Надю, одному из предводителей восстания в южной Венгрии, чтобы тот со своим отрядом отправился в Сербский банат. Он проводит войско крестоносцев от Калоча до Белграда. Его отряд занимает ряд городов в южной Венгрии и в сербских землях, такие как Суботица, Нови-Сад, Петроварадин. И тогда же, в июне 1514 г., Антал Надь разбивает в битве при Сремска-Каменице знаменитый гарнизон Белграда.

Сербские крестьяне баната поддержали восставших. Неизвестно по каким причинам, возможно, из-за борьбы с угнетателями дворянами или из-за разочарования от несостоявшегося крестового похода, который должен был освободить Сербию, но в сербских землях восставшие венгры получили значительную поддержку от местного сельского населения.

После поражения при Сремска-Каменице восставшим оставалось только захватить Белград и ряд других укреплений, чтобы покорить Сербский банат, но ситуация стремительно изменилась. Дьёрдь Дожа осаждал Тимишоару, и ему были нужны воины, поскольку королевские войска разбили крестьянские отряды в Северной Венгрии, и очень быстро продвигались к отряду главы восстания.

И тогда Антал Надь решает отправиться на выручку Дьёрдю Доже и оставляет немногочисленный отряд на территории баната. Таким образом, тылы осаждавших не были неприкрыты с юга. Сербские дворяне, верные королю, собрали все свои силы, сняли осаду с Белграда и в ряде сражений разбили отряды восставших. Сербское дворянское ополчение освободило банат. Антал Надь попытался развернуть войска, но объединённая сербская и венгерская армия разбили его к середине июля.

Обращает на себя внимание тот факт, что дворяне в Сербском банате не стремились реализовать сепаратистские идеи и не стали объединяться с восставшими, а, наоборот, проявили верность венгерской короне и послужили опорой для подавления волнений в Придунавье.

Таким образом, Сербский банат проявил верность венгерскому королю и сыграл ключевую роль в подавлении Крестьянской войны 1514 г. Приняв на себя удары одного из крупнейших отрядов восставших, сербское дворянство не просто выстояло и освободило свою территорию, но и сорвало планы восставших, пытавшихся обезопасить свои тылы за счёт быстрого захвата юга Венгерского королевства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгерская деревня конца XV – середины XVI века и Крестьянская война 1514 года. Источники и материалы. Учебно-методическое пособие. М., 1990.
 2. Гусарова Т.П. Я хотел обновить мир // И живы памятью столетий. Минск, 1987.
 3. Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
 4. Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 г. // История Венгрии: в 3 т., М., 1971. Т. I.
-

Дарья Королева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Васпитање и образовање наследника српског престола крајем 19. и почетком 20. века

Детињство је као период постајања људског бића кључна компонента формирања личности. Будући модел понашања у друштву, разумевање личних циљева и друштвених одговорности јављају се баш у периоду стасања и зависе од низа фактора – атмосфере у породици, односа са вршњацима и одраслима, као и квалитета образовања.

Почетком 19. века Србија је била заостала, аграрна земља, зависна од Османлијског царства, где није постојала ни политичка, ни интелектуална, нити економска елита. Пред крај столећа Србија је независна краљевина која тек је требало да заузме своје место међу савременим европским државама. То је врло важан процес за историју земље, у којој је огромну улогу играо сам краљ.

Монархија у Србији је јединствени феномен који захтева детаљно проучавање: процес настајања и развоја монархије овде је одвијао заједно с формирањем нове државности, притом на потпуно другачији начин за разлику од традиционално монархијских европских земаља. Због тога припрема и неговање српских наследника престола представља научни интерес. Процес формирања личности будућег монарха у детињству састоји се од многих фактора. Престолонаследник је морао да се припреми за решавање низа задатака с којима ће се суочити за време своје будуће владавине. Млади монарх је морао да буде образован, научен према секуларним стандардима и у складу с националним интересима. Припрема детета за извршавање краљевске функције изузетно је тежак задатак,

поготово ако се узме у обзир интелектуална позадина и развој српског друштва.

Детињство српских монарха никада није било предмет посебне пажње истраживача, то је обично само епизода у списима посвећеним глобалнијим питањима, као и у биографским студијама, што у великој мери одређује актуелност овог проблема. Циљ нашег рада је пажљиво проучавање фазе формирања личности будућих српских кнежева и краљева, њиховог васпитања, као и њихово припремање за будућу одговорност за развој нове државности. Овде истраживача очекује низ задатака: проучити доступне изворе и историографију, који пружају могућност сагледавања живота српских престолонаследника у детињству; размотрити образовне програме српских престолонаследника; испитати утицај на њихову будућност рођака, неговатеља, наставника, регената и других људи; истражити како је патриотизам и одговорност за своју земљу усађени у њихову личност.

Хронолошки оквир прве фазе истраживања укључује последњу трећину 19. века и почетак 20. века, односно периоде одрастања Александра Обреновића и Александра Карађорђевића.

Рад се заснива на следећим изворима: мемоари [Obrenović 2015], дневници [Дневнички записи], епистоларни извори, законодавни акти [Посланство], званична документација [Radikalski ustav].

Историографска база изгледа прилично опсежна, јер је, прво, представљена од стране домаћих и страних истраживача, а друго, односи се на широк спектар тема: теоријска истраживања монархије уопште и српске монархије посебно; истраживања која разматрају детињство са историјског и социолошког становишта [Childhood in South East Europe]; историјска истраживања која се односе на развој политичке самосвести, интелигенције, образовања и нивоа културе [Srbija u modernizacijskim procesima]; биографије личности и њиховог окружења [Јовановић 1934].

ЛИТЕРАТУРА

Дневнички записи – Дневнички записи генерала Јована Мишковића (1865 – 1907). Бележнице II. Неготин, 2020.

Јовановић 1934 – Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Београд, 1934. Књ. 1.

Посланство – Посланство Краљевине Србије у Петрограду. 1879–1888. Београд, 2018. Том I.

Childhood in South East Europe – Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century. Belgrade-Graz, 2001.

Obrenović 2015 – Obrenović K.N. Ruža i trnje. Beograd, 2015.

Radikalski ustav – Radikalski ustav. Ustav Kraljevine Srbije. Velika Narodna Skupstina Odrzana u Beogradu meseca decembra 1888. god. URL: <http://mojustav.rs/wp-content/uploads/2013/04/Radikalski-ustav-iz-1888.pdf> (дата обращения 04.06.2021).

Srbija u modernizacijskim procesima – Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka 4, Žene i deca. Beograd, 2006.

Тим Трей

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

«Кровавая пятница» сербской истории (Майский переворот 1903 г. в Сербии)

«Кровавая пятница» сербской истории – так можно назвать то, что произошло в Белграде 29 мая 1903 г. [Айрапетов 2006: 460]. Это был военный переворот, уничтоживший династию Обреновичей и приведший к власти Карагеоргиевичей. Причем этот переворот был, похоже, самой кровавой политической акцией за предшествующее столетие в истории Сербии. Он случился из-за катастрофического падения авторитета последнего короля из династии Обреновичей – Александра [Искендеров 2003: 178]. Переменчивая политика князя, стремившегося к авторитарному правлению и не считавшегося с мнением скупщины, определили его политическую и физическую гибель [Югославия: 15–19]. Однако кровавую акцию по устранению короля предприняли не деятели сербского парламента. В политическую схватку вступила новая сила – представители сербской армии. Та сила, которую в свое время активно взращивал отец погибшего государя, Милан Обренович. После 1901 г., когда не стало Милана, а других достойных претендентов на престол из династии Обреновичей не было, будущие заговорщики решили вернуть в страну Карагеоргиевичей.

Только прежде чем воцариться новой династии, нужно было разобраться со старой. В ночь на 29 мая предводители заговорщиков (Д. Драгутинович-Апис, А. Машин, А. Атанацкович и др.) принялись действовать. В 1 час ночи сербские офицеры, разделившись предварительно на две группы, направились в королевский дворец и в квартиру военного министра, чтобы учинить страшную расправу. Король, королева, премьер-министр и военный министр были убиты [Айрапетов 2006: 461]. Белград был готов принять нового короля...

После такого ужасного убийства сразу встал вопрос, была ли какая-либо внешняя сила замешана в перевороте. В числе возможных заказчиков фигурировали Австро-Венгрия и даже Россия. Так действительно ли Россия

была виновной в смерти князя? По имеющейся у нас информации – нет. Это подтверждается тем, с каким возмущением Петербург отреагировал на переворот [Югославия: 19–20]. У монархов Европы было свое правило – ни в коем случае не убивать равных себе. Поэтому странно предположить, что Россия «заказала» князя и активно участвовала в этом злодеянии [Там же]. Наоборот – переворот вызвал шквал возмущения в Петербурге. Негодование в России было вызвано также слабостью новой королевской власти династии Карагеоргиевичей. По мнению российского правительства, король Петр проявил большую нерешительность, не наказав заговорщиков за совершенное преступление. Более того, заговорщики получили привилегированное положение при новом политическом режиме [Русские о Сербии: 343, 373].

Из сказанного следует то, что Россия не замешана в убийстве последнего Обреновича. Может быть, события этой страшной ночи контролировала и направляла Австро-Венгрия? Видимо, тоже нет, ведь Александр Обренович старался быть другом не только России, но и монархии Габсбургов. К тому же от произошедшего пятничной ночью майского переворота Австрия больше потеряла, чем выиграла, так как Петр Карагеоргиевич и его сын Александр были известны своими прорусскими взглядами [Первая мировая война: 41]. В итоге Сербия стала склоняться к союзу с Россией и Антантой, а это стало сильным ударом для разноязычного и на треть состоящего из славян австро-венгерского государства [Югославия: 375].

ЛИТЕРАТУРА

Айрапетов 2006 – Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М., 2006.

Искендеров 2003 – Искендеров П.А. В «пороховом погребке» Европы, 1878–1914. М., 2003.

Первая мировая война – Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Москва, 2014.

Русские о Сербии – Русские о Сербии и сербах. Москва, 2014. Том II.

Югославия – Югославия в XX веке. Очерки политической истории. Москва, 2011.

Глеб Кудрявцев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Разлози совјетско-југословенског сукоба 1948. године: два погледа

Криза совјетско-југословенских односа 1948. године био је први озбиљан сукоб између социјалистичких држава. Настао је јаз не само између СССР и ФНРЈ, већ и осталог сталинског «социјалистичког лагера» и Титове Југославије. На Балкану је постојала посебна врста државности и култ личности, која се зове «Титоизам».

1945–1948. године, Југославија се сматрала једном од најважнијих земаља социјалистичког блока – када је наведена у званичној документацији најзначајнијих социјалистичких земаља, по правилу, након СССР, поменута је ФНРЈ. Београд је изабран за седиште Коминформа који је створен 1947. године и југословенски лидери су увек топло примљени од стране совјетских лидера у Кремљу. Али је већ 1948. године, на 2 Комисији Коминформа, руководство Југославије је критиковано због «одласка са марксистичког правца» и «ситне буржоаизације». Почео је сукоб између ФНРЈ и осталих социјалистичких земаља.

Шта је узроковало такав ток догађаја? Шта је изазвало сукоб између држава? Одговори на ова питања су различити у зависности од стране сукоба – од оптужби «Титове клике» за ревизионизам и зближивање с капиталистичким блоком до оптуживања Совјетског Савеза за притисак на суверене земље. Треба раставити два погледа на овај проблем и одговорити на низ питања:

- Идеолошки аспект и оптужбе за ревизионизам
- Свет капитализма и однос са њим: разлика погледа
- Социјалистички лагер и Коминформ – које су биле потешкоће у интеграцији?
- Култ Стаљина и култ Тита – да ли је постојао сукоб личности?

По нашем мишљењу, јаз 1948. године настао је због скупа одређених фактора – идеолошка одступања титовог режима од совјетског модела социјализма и модела који је прихваћен у другим социјалистичким земљама; отворенија политика Југославије према Западу, која се није променила ка поштовању, као политике СССР и социјалистичких земаља; јачање потчињености странака укључених у Коминформ, став Москве како би се одржала координирана борба са империјалистичким блоком; коначно, Титов култ и култ Стаљина нису могли да постоје истовремено у оквиру једног

социјалистичког простора. Сви ови фактори су укупно проузроковали догађаје 1948. године.

За одговор на ова питања треба се обратити совјетским и југословенским изворима. Главни документи који описују југословенско питање и поглед на њега са совјетске стране повезани су са таквим телом социјалистичке интеграције у источној Европи као Коминформ. У протоколима његових састанака може се видети разлог идеолошког удаљавања земаља социјалистичког лагера од Југославије. Информација о односима између СССР и земаља источног блока је такође важна.

Супротни став могу представљати наступи и сећања југословенског руководства. Треба обратити пажњу на рад М.Ђиласа «Разговори са Стаљином» и зборник «Одабрани чланци и говори, мај 1941. – октобар 1979. Јосип Броз Тито». На основу сећања и званичних говора лидера Југославије могуће је судити о његовом погледу на узроке кризе совјетско-југословенских односа.

Сходно томе на основу извора могуће је детаљније дати представу о томе како су сукоб 1948. доживљавали совјетски и југословенски лидери и шта је требало учинити да би се тај сукоб превазишао.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991.
- Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. 219 с.
- Избранные статьи и речи, май 1941 г. – октябрь 1979 г. [Тито, Иосип Броз]: Пер. с сербскохорв. М.: 1987.
- Кардель Е. Говори на париској конференцији. Београд, 1947.
- Кардель Э. Тито и социалистическая революция Югославии. Белград, 1980.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2 т. Документы / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: 1999. 687 с.
- Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. 800 с.
- Tito, Josip Broz Intervjui [Tito, Josip Broz]. Beograd, 1982.

Ирина Костенко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, магистрант
Москва, Россия

Антибироократска револуција у Југославији 1988–1989

Реферат је посвећен такозваној «антибироократској револуцији» у Југославији 1988–1989, која је започела период бурних промена на Балкану.

Главни је фактор југословенске кризе, која је достигла своју оштру фазу 1990. године, пре свега унутрашња политичка борба за власт у Савезу Комуниста на нивоу Југославије и појединих република. Управо то је постало разлог прелаза од тињајућег деценијама "латентног" периода кризе к њеној акутној фази.

Један од кључних покретача југословенске кризе од раних 1980-их година и до сада је "албанско питање". Порекло косовског сукоба датира из давног времена, али је у осамдесетим годинама косовски проблем постао један од главних питања југословенске унутрашње политике. Милошевић је искористио тај сукоб који се ширио и продубљивао да би 1987. године коначно осигурао себи потпуну власт у Савезу комуниста Србије. Почетком 1989. године успео је организовати усвајање новог устава, који је знатно смањио аутономију Косова и Војводине, док се у Хрватској и Словенији драстично повећао ширење националистичких и сепаратистичких тенденција. Такође је спроведена скоро потпуна замена лидера опозиционих Милошевићеву, посебно на Косову и у Војводини, као и у Републици Црној Гори. Поред тога су његови противници, који су се супротстављали строгим мерама и залагали за компромисна решења, потиснути у други план. Тај политички процес је подржан од стране вишечасовних масовних скупова и назван је "антибироократска револуција".

Та револуција је релативно бескрвна, али за разлику од "плишаних" револуција у другим социјалистичким земљама, антибироократска револуција није била потпуно антисоцијалистичка. Након тога је социјалистички систем, донекле промењен, наставио да постоји, али је постао националистички обојен.

Крајем осамдесетих година прошлог века дошло је до повећања националистичких трендова у Југословенском политичком врху, али питање централизације и јачања политичке моћи није било решено. У октобру 1988. године, заменом Председништва ЦК СКВ-а Милошевићевим послушницима, аутономни крај Војводина де факто је изгубио своју аутономију. Оставка црногорског руководства и његова замена лојалним београдским младим политичарима обезбедила је званичну подршку новом курсу владе Републике Србије од стране Црне Горе на савезном и републичком нивоу. На

крају је Србија на челу са Милошевићем добила контролу над 4 од 8 гласова република. Оштро сузбијање штрајкова косовских рудара и радника у фебруару 1989. године и хапшење председника СКК-а Азема Власија значајно су допринели повећању тензија на Косову. Усвајањем крајем марта 1989. године уставног амандмана, биле су одузете све привелегије и права аутономним крајевима Косову и Војводини. Говор Слободана Милошевића на Косовом Пољу 28. јуна 1989. служио је као званични почетак Српске националистичке кампање, што је резултирало повећаним међунационалним противречностима.

Као резултат антибирокупатске револуције, деструктивне тенденције распада државног интегритета Југославије почеле су да добијају на снази. Ескалација сукоба између савезничких република Југославије достигла је врхунац 1991. године, када се република Словенија одвојила од СФРЈ. Антибирокупатска револуција ставила је републичке лидере у идеолошки застој. Пораст националистичког опредељења, као и недостатак разумних перспектива јачања државности на крају су довели до распада Југославије.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. II: Вторая половина 1980-х – 1990-х годов. СПб., 2013. С. 718–844
2. Гуськова Е.Ю. Парламентаризм в Югославии. 2003 г. // Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе. М., 2003.
3. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.

Максим Мотин

*МГУ им. М.В. Ломоносова, Факультет мировой политики, бакалавр
Москва, Россия*

Општа анализа Вашингтонског споразума о Косову

4. септембра 2020. године, председник Србије Александар Вучић и Авдулах Хоти, премијер самопроглашеног Косова, потписују у Вашингтону споразум о спровођењу низа обостраних акција. Овај споразум је проузроковао многе поларне оцене. Знатно утиче на ситуацију у региону пошто промењује ставове многих заинтересованих страна.

Састанак је завршен потписивањем пакета споразума. Садржи следеће обавезе страна: изградња инфраструктуре за успостављање саобраћајних веза

између територија; подршка малим и средњим предузећима (уз учешће Америчке извозно-увозне банке); узајамно признавање диплома о образовању; стварање заједничког визног подручја; обустава кампање против признавања Косова од стране Србије и залагање приштинског руководства да се годину дана не пријављује за чланство у међународним организацијама.

Говорећи о односу према споразуму у Србији, потребно је назвати два става. Српско руководство и званичне медије су споразум представили као историјски успех. Али, пошто сваки покушај преговора са сепаратистима изазива незадовољство јавности, то гледиште не може да се сматра као основно. Многе српске јавне и политичке личности заузимају другачији став који осуђује потписани споразум.

У самопроглашеној држави нема сагласности у оцењивању потписаног документа. Контроверзе се јављају због међународног суђења Хашиму Тачију и низу других личности. Посебно су се спорови активирале након 5. новембра, када је Тачи одведен у притвор.

Делујући као посредник у потписивању споразума, Сједињене Државе су такође његов стварни аутор. О томе сведоче обавезе које су преузели потписници, а које се не односе на сам сукоб, већ служе америчким интересима. САД, са циљем да прошире свој утицај на Балкану, очигледно су главни корисник споразума између Београда и Приштине. У крајњој линији, Косово је „амерички пројекат“, одсуство јурисдикције Србије на територији тог региона дугује се Сједињеним Државама.

Европска унија активно подржава споразум потписан у Вашингтону. Штавише, ЕУ позива стране да што пре прекину дијалог Београда и Приштине под покровитељством Брисела. У свим преговорима о косовском питању, Европска унија је заправо приморавала Србију да потпише споразуме са косовским сепаратистима. У садашњој ситуацији САД су пресреле длан у овом питању. Стога ће се руководство ЕУ трудити да се врати улози водећег посредника у преговорима.

Руско руководство је увек изражавало посвећеност решавању косовског сукоба на основу Резолуције 1244 Савета безбедности УН, која садржи ставку о територијалном интегритету СРЈ. Потписивање Вашингтонског споразума изазива забринутост. Вучић прихвата услове који су јасно усмерени на смањење утицаја Русије у региону. Сам формат договора – без учешћа Русије, сведочи да су руске позиције у Србији угрожене.

Овај споразум не може означавати велики успех за Србију нити за самопроглашено Косово. Економски услови могу их довести у још већу зависност од међународних зајмодаваца, а не да буду од очигледне користи. Одредбе споразума, уколико се примене, допринеће јачању америчког

утицаја у региону. Таква акција подстиче Русију да размишља о промени своје балканске политике како би задржала свој утицај у региону.

Да ли се може закључити да је споразум који је потписао Вучић повлачење са претходних српских позиција? У извесној мери јесте. Међутим, у овом случају то је само наставак процеса који траје задњих 20 година.

ЛИТЕРАТУРА

1. Šta je potpisano – tekst sporazuma. N1info.com. [Електронни ресурс]. 2020. URL: <https://rs.n1info.com/vesti/a636581-tekst-sporazuma-beograd-pristina/> (дата обращения 01.05.2021).

2. Евросоюз призвал завершить диалог Сербии и Косово под своей эгидой // Ria.ru. [Електронни ресурс]. 2020. URL: <https://ria.ru/20200909/kosovo-1577013227.html> (дата обращения 01.05.2021).

3. VD predsjednica Kosova za prekid dijaloga sa Srbijom. 11.11.2020 // Vijesti.me [Електронни ресурс] URL: <https://www.vijesti.me/svijet/balkan/485073/vd-predsjednica-kosova-za-prekid-dijaloga-sa-srbijom> (дата обращения 01.05.2021).

4. ЕАЭС и Сербия заключили соглашение о создании зоны свободной торговли // Tass.ru [Електронни ресурс] 2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7047436> (дата обращения 02.05.2021).

София Жуйкова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Предраг Матвејевић као носилац идеје југословенства

Када је реч о Југословенској кризи, историчари посебну пажњу посвећују националистичким осећајима и жељи свих југословенских република за отцепљење од заједнице. Скоро се никад не спомиње да су постојале и друге, реформистичко-либералне друштвене снаге, које нису желеле распад земље. У Србији то је Савез реформских снага Југославије [Filipović 2021], у Босни – покрет «Валтер» [Donia 2006: 307–310], у Хрватској – Удружење за југословенску демократску иницијативу [Orlić 2011]. Углавном су им припадали интелектуалци, глумци, професори, поједини политичари. Између њих и Предраг Матвејевић.

Он је био југословенски писац, филозоф, професор француског језика и књижевности, хуманиста и дисидент. Целог живота је био прави социјалиста, али није прихватио онај социјализам који је постојао за време Титове Југославије. Објавио је неколико отворених писама југословенској влади и лично Титу, у којима је критиковао политику југословенских власти или

тражио да се поштују грађанска права неких политичара и културних радника, против којих су се водили судски процеси [Luketić 2017].

Након Титове смрти и проширења националистичких осећаја у југословенским републикама, супротставио им се. У својим публицистичким делима, као што је на пример «Југославенство данас» [Matvejević 1982], изнео је идеју да треба сачувати заједницу (као најбољи начин постојања за све југословенске народе), задржати социјализам, али га реформирати на демократскији начин. Такође је позивао на друштвену толеранцију и поштовање права на разлике између народа и личности. Није видео у југословенству уједначавање свих народа, већ «заједницу разлика» ради међусобног богаћења култура.

Матвејевић је био један од оних који су 1989. године основали Удружење за југословенску демократску иницијативу – прву ванпартијску политичку организацију, која се залагала против сепаратизма југословенских република и за реформисање социјализма [Orlić 2011]. Кад се Југославија распала, он је остао присталица хуманистичких принципа. Наставио је да критикује политику Фрање Туђмана за његов национални радикализам и готово рехабилитацију усташа. Зато је чак био принуђен да напусти земљу, где се вратио само мало пре смрти. Говорећи о актуелности ове теме, можемо споменути такав феномен као што је „југоносталгија“, који сада добија све већу популарност у постјугословенским земљама [Ефременко, Мелешкина 2020; Todorova, Gille 2010].

И у иностранству је писао о југословенству [Matvejević 2015], али није имао у виду да је потребно да се Југославија успостави, већ да се прекине националистичка мржња. Позивао је Јужне Словене да прихвате заједничку прошлост и историју и да раде на стварању нових толерантних друштава.

ЛИТЕРАТУРА

Ефременко, Мелешкина 2020 – *Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю.* Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т.16, № 1. С.78–100.

Лужина 2017 – *Лужина Ј. Grande Predrag...* Предраг Матвеевић, 1932–2016 проштални записи // МАНУскрипт. Скопје, 2017, III, №1–2. С. 94.

Donia 2006 – *Donia R.* Sarajevo: biografija grada. Sarajevo. 2006.

Filipović 2021 – *Filipović V.* «Markovićeva stranka»: Savez reformskih snaga Jugoslavije – osnivanje, program i izbori 1990 // *Politička misao*, god. 58, br. 1, 2021. S. 27–52.

Luketić 2017 – *Luketić K.* Po čemu ćemo pamtiti velikog Predraga Matvejevića [Электронный ресурс] // Tportal 03.02.2017. URL: <https://www.tportal.hr/kultura/clanak/po-cemu-emo-pamtiti-velikog-predraga-matvejevica-20170203> (дата обращения: 14.03.2021).

Matvejević 1982 – *Matvejević P.* Jugoslavenstvo danas: Pitanja kulture. Zagreb, 1982.

Matvejević 2015 – *Matvejević P.* Granice I sudbine. O jugoslavenstvu prije I poslije Jugoslavije. Zagreb, 2015.

Orlić 2011 – *Orlić M.* Od postkomunizma do postjugoslavenstva. Udruženje za jugoslavensku demokratsku inicijativu // Politička misao, god. 48, br. 4. 2011. S. 98–112.

Todorova, Gille 2010 – *Todorova M., Gille Z.* Post-communist Nostalgia. New York, 2010.

Юлия Семенова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, бакалавр
Москва, Россия

Језичка изражајна средства за стварање књижевног лика у поезији Ђорђе Балашевића

Управо је преминуо блистави југословенски српски песник, кантаутор Ђорђе Балашевић. Стил његове поезије има своје особине, од којих су главне изражајност и висока емоционалност. На језичком нивоу такав ефекат се постиже употребом широког спектра фонетских, лексичких, синтаксичких, морфолошких језичких средстава. Персонификације, поређења, метафоре дају његовим текстовима живописну сликовитост. Колоквијалне речи, дијалектизми, локализми чине говор његових ликова живим и непосредним.

У овом реферату се одређују и наводе примери неких изражајних средстава која је Ђорђе Балашевић користио у својим делима.

У песмама антимилитаристичког садржаја он изражава висок емоционални интензитет, постижући тај ефекат између осталог применом таквог средства као што је персонификација. Тако, у песми „Само да рата не буде” лирски субјекат каже: *"Нека ђромови ђолуде... нек се звезде узнемуре... вејри нек ђомахниђају, нек се вулкани ђробуде, само рађа да не буде!"*

За већину Балашевићевих дела је уобичајена употреба средстава, која су карактеристична за разговорни језик и која су наведена доле.

На фонетском нивоу, аутор може пренети нејасан говор свог јунака користећи таква средства као што је елизија, која се манифестује губитком звука или групе звукова. Тако, место *гледаш* он пева *г'едаш*: „*Шђа ме*

Ћедаш њи са косом?“. Аутор користи фонетске варијанте попут **ше’сеи**, а не **шездесеи**: „Нема више, добри свеи, оне леи **ше’сеи** њеи“.

Песник често користи разноврсна лексичка средства:

1. Колоквијални речи, на пример: **деран**, **спискати**, **дроља**, **бараба**, **мани** – које срећемо у следећим редовима: „Ацо-Брацо, **деране** мој тршави“; „Газда је ко уме **спискати**“; „Када сте сви карактерне **дроље**“; „Сине мој, све су то **барабе**“; „Ех, **мани** ме“.

2. Дијалектизми и локализми: икавизам **ди** уместо књижевног **где**, војвођанско **бирташ** – „**Ди** ћеш с тим трепушкама густим?“; „Знали су га сви **бирташи**, тражио је спас у чаши“.

3. Жаргонизми и вулгаризми: **пајдаш**, **шибицар**, **ђубре**, **цукац** – Да су ми **пајдаши** стари ординарни **шибицари**; „А она тета Алексис, **ђубре** једно“; „Тај ће **цукач** да побрка цео филм“.

4. Уметнуте речи колоквијалног стила: **ваљда**, **канда** – „Знаћу **ваљда** да је наћем ја?“; „И они мене **канда** знају“.

5. Узвици: **хеј**, **опла**, **ех** – „**Хеј**, пусти косе пуне полена“; **Опла**, дигни суку изнад колена “; „**Ех**, мани ме“.

6. Колоквијално обојене речце: **ајде**, **баш** – „**Ајде**, **баш** у инат баба-рогама!“; „Живот **баш** не зна шта је доста“.

7. Деминутиви: **носић**, **цурица** – „Не могу да ме не сете сузе на врх твог **носића**“; „Они у војску полазе, прате их тужне **цурице**“.

Можемо забележити неке особине Балашевићеве поезије, које се испољавају на синтаксичком нивоу. Међу њима су:

1. Непотпуне реченице, које указују на то да из неког разлога мисао није у потпуности изражена – „Ти се мајке сећаш нејасно ...“; „Очи њене плаве ...“; „Гајде ће ти баба купити ...“; „Чудни се овде свеци славе ...“.

2. Упитне реченице које означавају стварни или унутрашњи дијалог који води лирски субјекат баладе – „Сине мој, како да те пустим?“; „Ди ћеш с тим трепушкама густим?“.

На крају може се закључити да поезију Ћ. Балашевића карактерише богата палета изражајних средстава фонетског, лексичког, синтаксичког нивоа.

Ангелина Дегтярева

*РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, магистрант
Москва, Россия*

Сопоставительный анализ концепта «ночь» в поэтических картинах мира Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева

Данный доклад посвящен выявлению общих и отличительных черт в отображении концепта «ночь» в произведениях Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева.

Под художественным концептом в докладе понимается «сложное ментальное образование, принадлежащее 1) индивидуальному сознанию, поэтической картине мира автора; 2) в качестве универсального художественного опыта – «психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества» [Тарасова 2020: 149].

Основными средствами объективации концепта «ночь» в анализируемых произведениях являются: 1) ключевые лексемы, номинирующие концепт; 2) слова, относящиеся к лексико-семантическим полям 'темнота', 'мрак'; 3) описание пейзажа этого времени суток.

Анализ определений лексемы «ночь» из ЭССЯ [Трубачев 1999: 175–176], с платформы Rečnik.BIZ [Online srpsko-srpski rečnik] и из БТСРЯ [Кузнецов 2014] позволяет выделить такие ядерные признаки концепта «ночь», как «ограниченность во времени», «темнота», «отсутствие солнечного света».

В творчестве Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева ночь обладает амбивалентной характеристикой, однако в произведениях Б. Радичевича отрицательные оценки встречаются чаще, а лирический субъект Ф.И. Тютчева хоть и испытывает страх перед ночью, все же восхищается ей и стремится к ней.

Оценка ночи ярко представлена в отрывках, где она противопоставляется дню. В произведениях Б. Радичевича ночь часто воспринимается как нечто отрицательное, а день оценивается положительно, исключение составляет стихотворение «Ноћ па ноћ». В поэтической картине мира Ф.И. Тютчева находим сходное восприятие дня и ночи.

Но с позиции истинность/ложность день и ночь оцениваются поэтами по-разному. В творчестве Б. Радичевича ночь часто связывается с ложностью, а день – с истинным положением вещей. У Ф.И. Тютчева ночь предстает как время, когда человеку становятся доступны истины, скрытые от него днем. Таким образом, можно увидеть, что страх перед ночью в

поэтических картинах мира Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева имеет разные причины.

Слова лексико-семантических полей 'темнота', 'мрак', тоже являющиеся средством выражения концепта «ночь», в словарях обычно объясняются друг через друга. В их значениях можно выделить такие семы, как 'отсутствие света', 'плохая видимость'. В произведениях Б. Радичевича данные слова описываются преимущественно через пространственные характеристики, в стихотворениях Ф.И. Тютчева наряду с пространственными используются и временные характеристики.

Также концепт «ночь» в творчестве Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева взаимодействует с концептами «тишина», «мир» и с концептом «смерть».

Таким образом, в репрезентациях концепта «ночь» в произведениях Б. Радичевича и Ф.И. Тютчева можно найти как черты сходства (аналогичные средства объективации; амбивалентная характеристика; противопоставление дню, в котором день воспринимается положительно, а ночь отрицательно; связь с концептами «тишина» и «смерть»), так и отличительные черты (у Радичевича преобладает негативная характеристика ночи, у Тютчева идет совмещение страха и восхищения при описании ночи; у Радичевича ночь связана с ложностью и изображена как нечто скрывающее земной мир, у Тютчева ночь отрывает человеку страшные истины и трансцендентный мир).

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецов 2014 – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%9D%D0%BE%D1%87%D1%8C&all=x> (дата обращения: 25.05.2021).

Тарасова 2020 – Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М, 2020.

Трубачев 1999 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выл. 25 (*novoukъ(jb)-*obgorditi) / ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1999.

Online srpsko-srpski rečnik – Online srpsko-srpski rečnik [Электронный ресурс]. URL: <http://recnik.biz/srpsko-srpski> (дата обращения: 25.05.2021).

Петр Смоляренко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, аспирант
Москва, Россия

Ruska kroatistika u XX – početkom XXI stoljeća: problemi formiranja i znanstvena postignuća

Sažetak: Izvješće razmatra pitanja vezana uz stvaranje ruske kroatistike kao iz područja humanističke znanosti nakon revolucije listopada 1917.godine. Izvješće obuhvaća dva razdoblja: od 1939. do 1985. i od 1985. do danas. Ova kronologija može se potkrijepiti sljedećim događajima: u 1939-u, stvara se sektor slavenovarstva na Institutu za povijest SSSR-a i Katedra za slavenovsku znanost na Povijesnom fakultetu MDS-a, ali u 1985-u zemlja počinje najvažnije demokratske reforme "restrukturiranja", koje su utjecale na znanstvenu sferu, što je rezultiralo odstupanjem od primata marksističkog formacijskog pristupa u humanitarnim istraživanjima. Obilježje glavnih područja i koncepata daje se u proučavanju sovjetskih i kasnije ruskih istraživača hrvatske povijesti i kulture. Pokušalo se opisati probleme interakcije znanstvenika i sovjetske vlasti. Osim toga, izvješće ima široku biografsku pozadinu najvećih domaćih kroatista.

Ključne riječi: *kroatistika, slavistika, Regija srednje Europe, slavenska ideja*

Ruska kroatistika kao zasebno područje slavistike počela se oblikovati čak iu pre-revolucionarnom vremenu, dobila je poseban potencijal u drugoj polovici XIX – početkom XX stoljeća. Prije svega, to je zbog vanjskog političkog okruženja tog vremena. Poraz u Krimski rat i gubitak Rusije svoje pozicije na Balkanskom poluotoku izazvao snažan javni prigovor: aktiviran slavenofilne organizacije koje su pokušale utjecati na službene politike u St. Petersburgu. Već u 1879-u dolazi dvotomni rad diplomata i povjesničara-ljubitelja lava Vasiljevića Berezina "Hrvatska, Slavonija, Dalmacija i Vojna krajina". Unatoč ozbiljnoj kritici suvremenika, ovo se djelo smatra prvom punom studijom u domaćoj historiografiji koja je u potpunosti posvećena povijesno hrvatskim zemljama. Važno je napomenuti da osim stvarnog povijesnog eseja, rad sadrži široke etnografske podatke.

Oktobarska revolucija bila je prekretnica za rusku znanost. U prvom desetljeću sovjetske vlasti boljševici nisu prekršili autonomiju istraživačkih instituta, al i s početkom 1930-ih došlo je do ideološkog napada na znanstvenu inteligenciju. Do 1939, Staljinova vlada vidjela je izravnu vezu između znanstvene slavistike i "buržoaske" jugoslavenske ideje, na temelju koje je stvoreno neprijateljsko Kraljevstvo Srba, Hrvata i Slovenaca. Dominantnost takvog ideološkog pogleda izražena je u raspršivanju Lenjingradskog Instituta slavenske znanosti, koji je trajao samo tri godine, i u "Slučaju slavista" iz 1934. godine, tako je uništena stara znanstvena tradicija. Međutim, nakon dolaska na vlast u

Njemačkoj NSDAP i podjele sfera utjecaja u Europi između Hitlera i Staljina, došlo je do sovjetsko-jugoslavenkog zbližavanja, što je izazvalo transformaciju odnosa višeg autoriteta prema slavenovedenju. Tako su se pojavili uvjeti za obnovu uništenih političkim represijama slavistike.

Istraživanje hrvatske u SSSR bilo je složeno s nekoliko aspekata: prvo, Nova stranačka elita, nastala iz seljačkog i proletarskog okruženja, zadržala je tradicionalni ruski stav prema Hrvatima kao strancu u kulturnom i vjerskom smislu narodu, kao protivnicima pravoslavne braće Srba. Drugo, razvoj sovjetske kroatistike određen je vanjskim političkim odnosima SSSR i monarhijske Jugoslavije, nakon SSSR – a i socijalističke Jugoslavije Josipa Broza Tita, ovaj aspekt prvenstveno je utjecao na pristup istraživačima povijesnim izvorima i prisutnosti međudržavne znanstvene suradnje. Treće, sjećanje na zločine pronacističkog zastarjelog režima bilo je i unutar NDH i u Istočne bojište.

Utemeljitelji sovjetske kroatistike postali su branitelji Drugog svjetskog rata Vladimir Frejdzon i Julian Bromlej. U tom je razdoblju radila i I. Leschilovskaya, koja se bavila hrvatskom kulturom.

Napredak "Perestrojki" omogućio je croatističkom istraživaču da se rukuje drugim pristupima i metodologijama. Štoviše, s kolapsom socijalističkog logora, rekreirana je i kulturna regija Srednje Europe, u kojoj su domaći znanstvenici, uključujući i kroatiste, razmotrili ogroman istraživački potencijal. Na znanstvenoj areni dolazi nova generacija stručnjaka, odgojena na novim idealima: S. A. Romanenko, M. Vashchenko, I. Rudneva, A. Dronov, A. Pivovenko

Ruska kroatistika postigla je velike rezultate, ali mnoga područja i dalje ostaju nepromijenjena.

LITERATURA

Бромлей Ю.В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии: из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в. М., 1959.

Ващенко М.С. Хорватский консул: Общественно-политическая деятельность Крунослава Геруца в России в 1880–1930-е гг. [Saarbrücken]: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Дронов А.М. Место Военной границы в концепции административно-политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40-е – 70-е XIX в.: дис. канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2020.

Лещиловская И.И. Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.

Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.; СПб., 2018.

Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002.

Романенко С.А., Стыкалин А.С. В.И. Фрейдзон и развитие отечественной славистики // Славянский альманах. М., 2008.

Руднева И.В. Хорватско национално движение: краят 1960-х – начало 1970-х гг. М.: Институт славяноведения РАН; СПб., 2014.

Стыкалин С.А. Обобщающий труд по истории Хорватии // Славянский альманах. М., 2005.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

Фрейдзон В.И. Борба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

Леонид Ермишин

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, аспирант
Москва, Россия

Към въпроса за въоръжаването на «Оранжевата гвардия» в подкрепа на вътрешната политика на Българския земеделски народен съюз през 1920–1923 г.

Поражението в Първата световна война се оказва национална катастрофа за България. На този фон през август 1919 г. за първи път в политическата история на България победата на парламентарните избори е спечелена от лявоориентираната партия – Български земеделски народен съюз.

Лидерът на партията Александър Стамболийски последователно се противопоставя на влизането на България във военни действия от 1914 г. насам. Когато през септември 1918 г. избухва антивоенно въстание на войниците, българското правителство изпраща Стамболийски да умиротвори въстаниците. Впоследствие министър – председателят и военен министър на тогавашното правителство Александър Стамболийски е длъжен да започне съкращаване на армията, унищожаване или предаване на оръжието и боеприпасите на Междусъюзническата военноконтролна комисия, както изисква Ньойският мирен договор. Това ускорява развитието на конфликта между политическата власт и българското офицерство.

Първите прояви на «Оранжевата гвардия», като въоръжена сила са отбелязани през декември 1919 г. На герба на БЗНС преобладава оранжевият цвят, селяните-гвардейци носят оранжева превръзка на ръката си. Обаче съществуването на нередовно паравоенно формирование противоречи на Търновската конституция и на Ньойския мирен договор. Въпреки това «Оранжевата гвардия» участва в подкрепа на БЗНС във всички остри фази на вътрешнополитическия живот в България до юни 1923 г.

По време на Втората световна война документи от архивите на Междусъюзническата военноконтролна комисия в България са на разположение на Червената армия като трофей от войната.

В Руския държавен военен архив във фонда 1707к се пази документ, озаглавен «Незаконни банди на земеделци». Документът свидетелства, че в архивите на земеделците е намерено копие от проекторешение за създаване на «Оранжевата гвардия» с подчертаната дума «секретно». В документа се посочва, че при Българския земеделски народен съюз е създадена тайна военна организация, която включва: постоянен състав, състоящ се от: върховен командир на отрядите в страната, заместник-началник, секретар и 15 инструктори. Освен това е било предвидено и формирането на окръжни отряди, които трябва да включват пехотна рота от 135 войници, командир на ротата, 3 командири на взводове, фелдшер, 3 санитарии и 2 готвачи; кавалерийски ескадрон от 45 конници, разделен на три взвода с прикачен картечен взвод с две картечниции; група гренадири и артилерийски взвод с 2 полеви оръдия.

Лидерите на БЗНС Стамболийски и Даскалов след неуспешния опит за установяването на авторитарен контрол върху армията през 1919 г. се опитват да формират нередовна въоръжена сила, която съществува успоредно на българската войска.

Проявите на «Оранжевата гвардия» са близки по дух до четническите традиции и са свързани с особеностите на менталитета и националната политическа култура. За изпълнението на плана си Стамболийски и Даскалов са разполагали с човешки ресурс под формата на поддръжници на Българския земеделски народен съюз и материална база под формата на оръжия, боеприпаси и тайни складове на територията на България.

«Оранжевата гвардия» е могла да бъде използвана и като инструмент за извеждане на оръжието, което тя е притежавала, извън контрола на Междусъюзническата военноконтролна комисия, да бъде своеобразен оръжеен депозитар, достъпен за ограничен кръг политически сили и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. България през XX век. Есета за политическата история. М. 2003.
2. Станчев, Николов. История на сухопътните войски на България (1918–1945). София, 2017. Т. 2.
3. Петрова. Самостоятелното управление на БЗНС 1920–1923. София, 1988.
4. Руски държавен военен архив [РДВА]. Ф. 1707к. О. 1. Д. 274.
5. РДВА. Ф. 1707к. О. 1. Д. 339.

Никита Евстафьев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторически факултет, магистрант
Москва, Россия

Проблемът за етнически произход на династията на Асеновци в историографията

Въстанието, водено от братята Асеновци през 1185 г., е довело до сериозни последици за Балканския регион, включително по-нататъшното общо отслабване на Византийската империя и образуването на т. нар. Второ българско царство в северната ѝ балканска периферия. В съвременната научна литература практически няма съмнение относно значението на тези събития. Редица въпроси, свързани с тези събития, обаче, остават обект на спорове. Един от тези въпроси е проблемът за етнически произход на първите царе от династията на Асеновци: братята Теодор-Петър (1185–1197), Иван Асен I (1190–1196) и Калоян (1197–1207) и, следователно, на самата династия.

Този проблем е поставен в историографията още през XIX в., а спорът около него остава остър и до днес. Основният дебат е относно възможността за влашки или, по-рядко, кумански (половецки) произход на братята. Като основна причина за възникването на самия спор може да се посочи активното участие във въстанието от 1185 г. и в по-късната българо-византийска конфронтация както на влашкия, така и на куманския етнически елемент. Тази информация е документирана от редица исторически източници. Освен това влашкият, т.е. романският, а дори и римският произход на Асеновци е пряко подчертан с политически цели в кореспонденцията между цар Калоян и папа Инокентий III.

Целта на нашето изследване е да се направи сравнителен анализ на различни мнения относно етнически произход на династията на Асеновци, изказани в българската и друга историческа литература, както и опит да се определят най-обоснованите от тях. Във връзка с тази цел се постарахме да решим няколко задачи. Първо, анализирахме детайлно версията за чисто български произход на братята, която по очевидни причини е популярна в българската историография. Второ, разгледахме мнението, че Асеновци принадлежат към власите, играли видна роля във въстанието през 1185 г. Трето, проверихме мнението за връзката на първите царе от Второто българско царство с куманите.

Основният извод в работата е, че, въпреки продължаващата и до днес дискусия, все още не може да се даде еднозначен отговор на въпроса за етнически произход на първите царе от Второто българско царство. От друга страна, проучените източници позволят да направим компромисно заключение за смесения българо-влашки или българо-влашки-кумански

произход на първите Асеновци. Този извод се подкрепя, наред с други неща, и с факта на етническата разнородност на населението от територията, в която започва успешното въстание от 1185 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добычина А.С. Становление Второго Болгарского царства (1185–1204). Власть и ее легитимация. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016.
2. Андреев Й. Българските ханове и царе. От хан Кубрат до цар Борис. В. Търново, 2004.
3. Божилов И. Фамилията на Асеновци. Генеология и просопография. 1186–1460. София. 1994.
4. Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Т. III. Второ Българско царство. България при Асеновци (1187–1280). София, 2007.
5. Цанкова-Петкова Г. България при Асеновци. София, 1978.
6. Dall'Aglio F. The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2008/2009. Vol. 16. P. 29–54.
7. Madgearu Al. The Asanids. The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden; Boston, 2016.
8. Vasary I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans (1185–1365). Cambridge, 2005.

Татяна Бондаренко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторически факултет, магистрант
Москва, Россия

Дейността на дервиш Отман Баба в българските земи

Проникването и укрепването на османските завоеватели на Балканите било съпроводено от широко разпространение на исляма. Разпространението на исляма и ислямизацията на балканското население било направено от дервиши – членове на суфийски ордени. Възгледите на дервишите били далеч от нормите на ортодоксалния ислям, те възприемали исляма през призмата на суфийското учение и някои стари племенни традиции. Суфизмът е включил идеите на античната философия, християнството, зороастризма. Тази гъвкавост и синкретизъм на суфизма, както и активната дейност на дервишките манастири, позволила дервишите да се превърнат в един от основните източници и проводници на исляма на Балканите.

От общия брой дервиши както на Балканите, така и в други османски владения, ясно се разграничават дервишките светци и духовни патрони –

баба. Един от най-известните баба на Балканите бил Отман Баба (ок. 1378–1478), действал в българските земи. Той посетил Лудогорие (тур. Делиорман), околностите на градовете Несебър и Търново, бил във Варна и Калиакра, Казанлък, Пловдив и на други места.

Основната цел на работата е да се реконструира образът на Отман Баба като разпространител на неортодоксалния ислям в българските земи под османската власт. Трябва да решим следните задачи: да определим към коя суфийска тенденция се е придържал Отман Баба, да проследим историята на живота му като религиозен деец, ако е възможно, да разкрием колко широко било разпространено почитанието му като отражение на признаването на неговите заслуги.

Животът на Отман Баба отдавна привлича вниманието на изследователите, главно българските, фигурата му не се игнорира нито от руски, нито от западни историци. Освен това за нашето изследване са важни обобщаващите работи за дервишите и исляма на Балканите, за османското завладяване на Балканите. Основният източник на изследването е широко използваният в историографията вилайетнаме на Отман Баба (за съжаление, самите текстове все още не са достъпни за нас), вторият извор е пътеписът на известния османски пътешественик от 17 век Евлия Челеби.

Основните изводи са следните. Трудно е да определим специфичната суфийска тенденция, към която се придържа Отман Баба. В неговата дейност се проследяват влиянията както на интелектуалния суфизъм, така и на маламатската традиция на Хорасан, забелязва се сливане на шиизма, суфизма и старите тюркски вярвания. Също така не е възможно да определим методите на разпространяването на исляма, практикувани от Отман Баба. Източниците обаче позволяват да се проследи историята на живота на Отман Баба и да се постави неговата дейност в по-широк контекст (например във връзка с наследството на Хаджи Бекташ Вели). Съдейки по широкото последващо почитание, заслугите на Отман Баба са високо оценени от потомците.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Ю.А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа. М., 2011.
2. Евлия Челеби. Пътепис / Превод от османотурски, съст. и ред. на С. Димитров. София, 1972.
3. Граматикова Н. Отман Баба – един от духовните патрони на ислямската хетеродоксия в българските земи // Историческо бъдеще. 2011. № 2. С. 75–110. [Електронен документ] URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=205022> (дата обращения: 27.02.2020).

4. Граматикова Н. Неортодоксалният ислям в българските земи. Минало и съвременност. София, 2011.

5. Мутафова К. Мистичните братства на хетеродоксните мюсюлмани в религиозния живот и конфесионални отношения в Румелия през XV–XVI век // Епохи. 2011. № 2. С. 201–236.

6. Орешкова С.Ф. Становление османского государства и некоторые проблемы развития османского феодализма // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 8–23.

7. Lewis S. The Ottoman Architectural Patrimony of Bulgaria // Electronic Journal of Oriental Studies. 2001. Vol. IV [Електронен документ] URL: <https://hakpaksak.files.wordpress.com/2009/04/stephen-lewis-the-ottoman-architectural-patrimony-of-bulgaria.pdf> (дата на обращение: 27.02.2020).

8. Markoff I. A Cross-Cultural Examination of the Expressive Culture of Turkish-Speaking Alevi/Bektashi and Alevi/Babai (Bobai) Communities in the Eastern Rhodope Mountains of Southern Bulgaria: In Search of Origins and Parallels with Turkish Alevis/Bektashis and Tahtacıs. Conference on Music in the world of Islam. Assilah, 8–13 August, 2007 [Електронен документ] URL: http://ligne13.maisondesculturesdumonde.org/sites/default/files/fichiers_attaches/markoff-2007.pdf (дата на обращение: 27.02.2020)

Денис Гребенюк

МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторически факултет, бакалавр
Москва, Россия

Гръцки и български просветители от XVIII – началото на XIX век за перспективите на възстановяване националната държавност на балканските народи

Проучената по темата литература и историческите източници, които се отнасят до политическите нагласи на българските и гръцките будители, позволяват да се направят някои изводи за приликите и разликите както в традициите на Просвещението, така и в представите за възраждане на държавността.

Важна предпоставка за засилване на идеите за възраждане на независимата държавност е развитието сред част от местния елит на етноцентричния дискурс в ущърб на предишния византийско-православен [Петрунина 2010: 138]. Това се случило по определени причини: нарушаване на политическата цялостност на османското имперско пространство, социално-икономическото развитие на местните общества и т.н. В

българския и гръцкия случай тези представи са се развили с различни характеристики, които са били обусловени от различни темпове на социално-икономическо развитие, на разликите в степента на участието в политическия живот на държавите, които по това време владеели български и гръцки земи, в социалното положение на местните елити в тези държави.

Така че в случая с гърците се наблюдават по-високи темпове на социално-икономическо развитие благодарение на търговията, по-голямата свързаност с европейското пространство (особено по отношение на венецианските Йонийски острови). Поради тези обстоятелства новогръцкото просвещение усвоява западноевропейските идеи по-рано и по-активно, а също така по-рано изразява непосредствените идеи за възстановяване на независимата държава. Алтернатива за българските будители тук е особеното внимание към книжовното наследство и народния език, дълбокото следване на традиционното образование още в началото (започвайки от Паисий Хилендарски).

Общи за българските и гръцките дейци са и представите за главен източник на политическото освобождение. И в двата случая това е външна сила и най-често Русия, което е свързано с народните представи, произтичащи от поствизантийското Средновековие [Петрунина 2019: 229–230]. В гръцкия случай по-късно има временни колебания към Франция под влияние на идеите на Френската революция, които спират поради неуспешната политика на Франция на Йонийските острови, които са преминали под нейна власт през 1797 година [Петрунина 2006: 38].

ЛИТЕРАТУРА

Петрунина 2006 – Петрунина О.Е. Русско-греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII – начале XX века // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006.

Петрунина 2010 – Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII – XX вв.: очерки политического развития. М., 2010.

Петрунина 2016 – Петрунина О.Е. А.С. Норов и пророчества о возрождении Византии // Православный палестинский сборник. М., 2019. Вып. 116.

Косев К. Кратка история на Българското Възраждане. София, 2001.

Стоянов И. История на Българското Възраждане. Велико Търново, 2010.

Артём Лебедев

МГУ им. М.В. Ломоносова
Факультет иностранных языков и регионоведения, бакалавр
Москва, Россия

К вопросу о социокультурном контексте на материале современного болгарского романа Т. Димовой «Матери» в переводе на русский язык

Контекст является неотъемлемой составляющей любого сообщения, т.к. это напрямую влияет на успешность коммуникации в рамках одного языка, а также в процессе межкультурного общения. Отметим, что и на результат перевода влияют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Для исследований были выбраны русский и болгарский языки как переводная пара для сопоставления лингвокультурных факторов, оказавших воздействие на перевод болгарского романа «Матери» Теодоры Димовой, опубликованный издательством «Сиела» в 2006 г. Материалом исследования послужил оригинал романа и его переводная версия, выполненная З.И. Карцевой и опубликованная издательством «Центр книги Рудомино» в 2012 г.

Предметом исследования являются сохраненные и измененные элементы содержания одного и того же сообщения на исходном и переводящем языках, а целью стало выявление случаев сохранения и трансформации культурно значимых смыслов произведения под воздействием национальной культуры переводчика и социокультурного контекста при переводе с болгарского на русский язык.

В некоторых случаях различия экстралингвистического контекста вызывают трудности при переводе, например, что при передаче культурной реалии следующего фрагмента оригинала [Димова 2006: 25]: «Прилича на икона и нестинарка едновременно» сохраняется непривычное и неясное для носителя русской культуры слово «нестинарка». В толковом онлайн-словаре «Речник Читанка», даётся определение, что это женщина, исполняющая один из традиционных болгарских танцев на раскалённых углях. В русском языке подобрать эквивалент к данному экзотизму с сохранением такого же значения невозможно. Поэтому для сохранения колорита он был оставлен.

Следующий фрагмент раскрывает систему болгарского образования [Димова 2006: 38]: «... никога не е имал петица за срока в английската, нито пък петица на изпит в икономическия...». Здесь содержится упоминание болгарского слова «петица», что интерпретировано с позиции сохранения болгарской реалии: «...не имел ни одной пятерки – ни в английской гимназии, ни потом, на экономическом, вообще никаких пятерок...». В

восприятию носителя русской культуры, «пятёрка» – максимальный балл, который можно получить в ходе учебной деятельности. Однако в Болгарии установлена шестибальная система оценивания и высшей оценкой «на отлично», равносильной русской пятёрке, является «шестица», т.е. – «шестёрка».

Одним из ярких примеров несоответствий, связанных с реалиями болгарской культуры, является воспоминание одного из героев [Димова 2006: 69]: «...и непрестанно му носеше в кофичка от кисело мляко ягоди...», что было переведено как: «...и постоянно приносила ему в пластмассовом стакане из-под кефира немного ягод...». В сознании болгарина, «кофичка» – это пластиковая упаковка объёмом в 400 грамм, в которой этот продукт продается в магазине, в то время как для русской действительности кефир продается в бутылках и пакетах, а пьется из стаканов объёмом 200 мл. Соответственно, в русской и болгарской культурах наглядно демонстрируется различие в объёме поставляемых продуктов потребления.

Исходя из полученных данных о социокультурном контексте, ценность данного исследования заключается в возможности применения полученных результатов в теоретических и практических курсах по изучению методов и стратегий межкультурной коммуникации, их внедрению в процессе установления контакта между представителями болгарской и русской культур.

ЛИТЕРАТУРА

Димова 2006 – Димова Т. Майките. София: «Сиела», 2006. 188 с.

Димова 2012 – Димова Т. Матери / Пер. с болг. и предисл. З. Карцевой; отв. ред. Ю.Г. Фридштейн; дизайн Т.Н. Костериной. М.: Рудомино, 2012. 224 с.

Карцева 2015 – Карцева З.И. Поздний синтетический постмодернизм (старое и новое в болгарском романе наших дней) // Славяноведение. 2015. №6. С. 12–25.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990. 253 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода – М., «Международ. отношения», 1975. – 240 с.

Милена Гусева

МГУ им. М.В. Ломоносова,
Факултет на чуждите езици и регионоведение, бакалавр
Москва, Россия

Отношението към смъртта в руската и българската култура през призмата на народните приказки

Животът и смъртта съседстват не само в бита и ежедневието, но и в националната култура. В зависимост от условията, мястото на пребиваването и формирането на етноса всеки народ има свои представи за смъртта. Народните приказки много точно отразяват националното съзнание, народната култура, така може да проучим тези представи, като използваме тази форма на фолклорното наследство.

Това изследване е посветено на проучването на отношението към смъртта в руската и българската култура през призмата на народните приказки.

В доклада се разглеждат различни източници, описват се различни аспекти на темата. Руските приказки са избрани от тритомната колекция «Народни руски приказки» [Афанасьев 1985], съставена от руския учен А.Н. Афанасиев. Българските приказки са избрани от издание в дванадесет тома «Българско народно творчество» [Т.9; Т.10; Т.11] и колекция «Български народни приказки» [Български народни приказки], съставена от българския учен Величко Вълчев.

Проучването се крепи върху анализ на сюжетите на приказките, които описват смъртта, и техните изобразителни средства.

Резултатите от анализа позволяват да се твърди, че руската и българската култури имат както общи, така и различни характеристики и културни стереотипи: например някои общи характеристики са второстепенност на темата смърт, възприемане на смъртта като завършване на мисията в живота («Оклеветена търговска дъщеря» [Афанасьев 1985, №336], «Василиса Прекрасна» [Афанасьев 1985, №104], «Трите бащини съвета» [Т.10, 147], «Защо не убиват старите хора» [Български народни приказки: 258]), възприемане на смъртта в контекста на неизбежната съдба («Вещица и сестра на Слънцето» [Афанасьев 1985, №93], «Лисицата и овчаря» [Български народни приказки: 48]) и така нататък.

Това изследване е много актуално, понеже отношенията между Русия и България са наистина особени – двете славянски страни са обединени от съвместната история, общия културен код, славянската душа и православната вяра. Днес, когато тези отношения са много противоречиви, е особено важно

да се разбере кои културни различия пораждат разногласия между представителите на двата родствени етноса.

Освен това този проблем не е проучен добре, а научни статии по тази тема трудно може да се намерят в руската историография. Този проблем е многоаспектен, а следователно и изключително ползотворен за по-нататъшно проучване.

ЛИТЕРАТУРА:

Афанасьев 1985 – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Лит. памятники. М.: Наука, 1984–1985.

Български народни приказки – Български народни приказки. / Ред. Величко Вълчев. София : Български писател, 1954. 415 с.

Т.9 – Българско народно творчество: в 12 тома. Т.9: Приказки вълшебни и за животни / Ред. Ангел Каралийчев, Величко Вълчев . София : Български писател, 1963 . 548 с.

Т.10 – Българско народно творчество: в 12 тома. Т.10: Битови приказки и анекдоти / Ред. Петър Динеков и Стефана Стойкова. София: Български писател, 1963 . 670 с.

Т.11 – Българско народно творчество: в 12 тома. Т.11: Народни предания и легенди / Ред. Цветана Романска, Елена Огнянова . София: Български писател, 1963 . 530 с.

Дениз Ай Хасан

МГУ им. М.В. Ломоносова, Факултет журналистики, магистрант
Москва, Россия

Образът на Русия в български медии по време на пандемията от коронавирус (въз основа на вестник «24 часа»)

«24 часа» е ежедневен информационен и аналитичен вестник в България, който излиза в София от 1991 г. след радикалните промени в живота на страната. Уебсайтът на вестника се смята за най-посещавания уеб-ресурс в България.

Вестникът е собственост на медийната компания «Медийна група България» и се счита за независим. «24 часа» се свързва със свобода на словото, социална активност и безпристрастност.

Вестникът публикува национални и международни новини, аналитични и образователни материали. Изданието обхваща широка аудитория - от млади до възрастни хора.

Подобно на много медии по света, и това издание отделяше много внимание на въпроси, свързани с коронавирусната инфекция. «24 часа»

пишеше за ситуацията в много страни, но Русия се оказа една от най-споменаваните страни в рамките на тази тема.

Ние решихме да разгледаме как и в какъв ракурс се освещаваеше пандемията в Русия.

За изследването бяха взети публикации в продължение на два месеца: от 15 октомври до 15 ноември 2020 г. и от 15 април до 15 май 2021 г. Този избор се дължи на факта, че втората вълна на пандемията започна през есента на 2020 г., и след сравнително спокойно лято тази тема отново стана доминираща в медиите. През пролетта пандемията в Русия пак започна да намалява и вниманието започна да се фокусира върху ваксинацията.

Общо през периода от 15 октомври до 15 ноември 2020 г. са публикувани 52 материала. Това са съобщения както за коронавируса непосредствено в Русия, така и публикации, в които Русия се споменава в контекста на общата световна (или европейска) статистика.

Материалите могат да бъдат разделени на няколко теми: статистика на заболяемостта и смъртността, ваксина, карантина и защитни мерки.

В процентно отношение материалите може да се представят в следния вид:

- статистика за коронавируса – 30%
- ваксина срещу коронавируса – 23%
- карантина и защитни мерки – 7%

– други теми, свързани с коронавируса – 40% (например, заявлението на Наришкин, че Русия няма данни, че COVID-19 е създаден изкуствено, или заявлението на Кремъл, че руската система за здравеопазване работи на ръба на възможностите си и т.н.)

Ежедневно за COVID-19 в Русия са излизали средно около два материала. Това бяха само новини и разширени новини. Броят на знаците в най-голямото съобщение по тази тема възлизаше на около 3000 знака и само то може да бъде смятано за аналитична статия. Авторството на нито един материал не беше посочено.

Най-често като източник беше посочен Ройтерс, малко по-рядко – нашият ТАСС и БТА (Българска телеграфна агенция). Новините за статистиката на заболяемостта и смъртността бяха представени неутрално – като цифри. С материалите за руската ваксина всичко не е толкова еднозначно. От една страна, имаше няколко материала, в които се съобщаваха, че редица страни (Турция и Сърбия) искат да произвеждат руската ваксина заедно с Русия, а от друга страна, имаше материали, в които руската ваксина се подлагаше на критика (пишеше се, че в нея имало скрити характеристики, антигени, вредни за човешкия организъм и др.).

Заглавията на материалите са неутрални, информативни. Назовават се градове и региони като Москва и Санкт Петербург, след това Нижегородска област, Ямало-Ненецки автономен окръг, Алтайски край, Ростов (този град беше споменат в негативна конотация: съобщаваше се, че в една болница в Ростов нямали време да изнасят трупове на починалите от коронавирус), а Чукотка, Дагестан, Татарстан, Мари-Ел, Чувашия и Ханти-Мансийският автономен окръг бяха споменати в положителна конотация: тези региони имаха най-малко увеличение на болните.

И така, можем да кажем, че това българско издание доста широко отразяваше ситуацията с COVID-19 в Русия. Публикациите бяха предимно неутрални, с информативни заглавия, но темата за руската ваксина се освещава нееднозначно, понеже Европа не искаше да вярва в ефективността на руската ваксина.

През пролетта съобщенията за коронавируса започнаха да предизвикват по-малък интерес: от 15 април до 15 май 2021 г. бяха публикувани само 23 статии. По теми те могат да бъдат разделени по следния начин:

- ваксина – 86%
- други теми, свързани с коронавируса – 14%

По-голямата част от материалите бяха за ваксинацията и само три бяха посветени на други теми: съобщението на Путин за удължаване на майските празници като защитна мярка от коронавируса, идентифицирането на новия индийски щам в Русия и помощта на Русия за Индия в борбата срещу пандемията.

Що се отнася до жанровете, това бяха предимно новини и бележки (понякога се срещаха разширени бележки). През този период беше публикувана само една аналитична статия (3 126 знака), в която се съобщаваше за „ваксинационни“ екскурзии до Москва, които струват 1999 евро.

Тонът на материалите се променяше през месеца: имаше материали, че в Русия количеството на желаещите да се ваксинират е разочароващо малко, след това имаше редица новини за това как други страни искат да произвеждат или купуват нашата ваксина (Египет, Сърбия, Турция). Специален акцент трябва да се постави върху Турция: има четири материала, че тази страна иска да купи и да произвежда нашата ваксина. В същото време, въпреки големия брой такива материали, като противовес бяха публикувани новини за недоверието на Световната здравна организация към руската ваксина.

Заглавията на статиите бяха неутрални, без провокативни думи.

Обобщавайки, можем да кажем, че материалите за коронавируса в Русия през пролетта бяха два пъти по-малко, отколкото през есента. Това

може да се дължи на общо отстъпване на темата за коронавируса на заден план. Ако през есента самата тема за пандемията можеше да се раздели на няколко подтеми, то през пролетта можем да говорим само за една тема – ваксинацията. Може би това е нов политически инструмент, инструментът за манипулации на междудържавно ниво.

Трябва обаче да се отбележи, че за разлика от есента тоналността на материалите през пролетта стана по-неутрална и по-спокойна.

XX

XXX

X